

ВЕСТНИК

ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Естественные, общественные науки»

Вып. 4, 2009

Право. Социология. Международные отношения

Научный журнал

Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-16954 от 5 декабря 2003 г.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

В. Н. Егоров, д-р экон. наук
(председатель)
Д. И. Польшинский, д-р ист. наук
(зам. председателя)
В. И. Назаров, д-р психол. наук
(зам. председателя)
Л. В. Михеева (ответственный секретарь)
К. Я. Авербух, д-р филол. наук (Москва)
Ю. М. Воронов, д-р полит. наук
Н. В. Усольцева, д-р хим. наук
К. Префке, профессор (Германия)
Ю. М. Резник, д-р филос. наук (Москва)
О. А. Хасбулатова, д-р ист. наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. Н. Аргунова, д-р социол. наук
Т. М. Явчуновская, канд. юрид. наук
Д. И. Польшинский, д-р ист. наук

Над выпуском работали:

директор издательства *Л. В. Михеева*
редакторы *О. В. Боронина*, *О. А. Кручинина*,
О. Я. Литвак
технический редактор *И. С. Сибирева*
компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*
обложка *Р. Е. Круглов*

© ГОУ ВПО «Ивановский
государственный университет», 2009

ISBN 978-5-7807-0790-8

СОДЕРЖАНИЕ

Право

Логинова Н. И. Коммерческое обозначение как средство индивидуализации предприятия 3

Годунов О. И. К вопросу о неоконченном преступлении и уголовно-правовом значении стадий осуществления преступного намерения 11

Исаева Н. В. Правовая идентичность личности в контексте либертарной концепции формального равенства 22

Павлов А. А. Голосование населения по вопросам изменения границ и преобразования муниципального образования 31

Социология

Кареев Д. В. Технологии управления, разрешения и регулирования социальных конфликтов 42

Панкратова Е. В. Субъективная оценка экономических параметров качества жизни населения Ивановской области (По материалам социологического исследования) 47

Международные отношения

Страхова Е. В., Черноперов В. Л. Из истории связей вузов Ивановской области с высшими учебными заведениями и научно-производственными центрами Германии, 1990—2000 годы 58

Рецензии

Польвинный Д. И. Мускулы, мораль и мировая политика (Заметки о книге А. Этциони «Безопасность прежде всего») 70

Хроника 75

Аннотации 78

Summaries 80

Сведения об авторах 82

Информация для авторов «Вестника Ивановского государственного университета» 83

IVANOVO STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series "Natural, Social Sciences"

Issue 4, 2009

Law. Sociology. International Relations

Scientific journal

Issued since 2000

The journal is registered in the Russian Federation Ministry
of Press, Television and Radio Broadcasting and Mass Communications
Registration certificate PI № 77-16954 of December 5, 2003

EDITORIAL COUNCIL:

- V. N. Egorov*, Doctor of Economics (Chairman)
D. I. Polyviannyi, Doctor of History
(Vice-Chairman)
V. I. Nazarov, Doctor of Psychology
(Vice-Chairman)
L. V. Micheeva (Secretary-in-Chief)
K. Ya. Averbuch, Doctor of Philology
(Moscow)
Yu. M. Voronov, Doctor of Politics
N. V. Usoltseva, Doctor of Chemistry
K. Prefcke, Professor (Germany)
Yu. M. Reznik, Doctor of Philosophy (Moscow)
O. A. Khasbulatova, Doctor of History

EDITORIAL BOARD:

- V. N. Argunova*, Doctor of Sociology
T. M. Yavtchunovskaja, Candidate of Science
(Law)
D. I. Polyviannyi, Doctor of History

Editorial Staff:

Publishing House Director *L. V. Mikheeva*
Editors *O. V. Boronina*, *O. A. Krutchinina*,
O. Ya. Litvak
Technical Editor *I. S. Sibireva*
Computer layout *T. B. Zemskova*
Cover *R. E. Kruglov*

© SEI of HPE "Ivanovo State University",
2009

ISBN 978-5-7807-0790-8

CONTENTS

Law

Loginova N. I. Trade name as the means of business individualization 3

Godunov O. I. To the question of neoterminated crime and criminally legal value of the stages of criminal intention realization 11

Isaeva N. V. Legal identity of the personality in the context of the libertarian conception of the formal equality 22

Pavlov A. A. Population's voting on the question of changing boundaries and reorganization of municipal entity 31

Sociology

Kareev D. V. Technologies of social conflicts management, resolution and moderation 42

Pankratova E. V. Subjective assessment of the economic parameters of population's quality of

life in Ivanovo region (Based on sociological research materials) 47

International Relations

Strahova E. V., Chernoperov V. L. From the history of relations of Ivanovo universities with higher educational institutions and research and production centers of Germany, 1990—2000 58

Reviews

Polyviannyi D. I. Muscles, Moral and World Politics (Notes to the book by Etzioni A. "Security First") 70

Chronicle 75

Annotations 78

Summaries 80

Information about the authors 82

Information for the authors of "Ivanovo State University Bulletin" 83

КОММЕРЧЕСКОЕ ОБОЗНАЧЕНИЕ КАК СРЕДСТВО ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ПРЕДПРИЯТИЯ

Как верно отмечается в юридической литературе, ни один предприниматель не в состоянии непосредственно контактировать со своими клиентами — потребителями определенных товаров, работ или услуг. В связи с этим он вынужден ориентировать потребителей на производимый им товар, используя обозначения, позволяющие выделить (индивидуализировать) из массы подобных свое предприятие и его продукцию.

До 1 января 2008 г. (даты введения в действие части четвертой Гражданского кодекса РФ) в роли обозначения, индивидуализирующего предприятие, впрочем, как и самого предпринимателя (коммерческой организации), выступало фирменное наименование, которое, согласно действовавшему на тот момент законодательству, могло входить в состав имущественного комплекса предприятия при его отчуждении. Фирменное наименование, несомненно, было самым спорным элементом предприятия. Возможность отнесения фирменного наименования к отчуждаемым объектам гражданских прав широко обсуждалась цивилистами. Одни юристы были склонны признать возможным участие фирменного наименования в предпринимательском обороте [11, с. 114—115], другие, напротив, говорили о неправомерности перехода фирменного наименования в составе имущественного комплекса предприятия [9, с. 537].

Как бы то ни было, четвертая часть ГК положила конец спорам по вопросу об отчуждаемости фирменного наименования. Фирменное наименование объявляется средством индивидуализации юридического лица, являющегося коммерческой организацией. Согласно п. 2 ст. 1474 ГК распоряжение исключительным правом на фирменное наименование (в том числе путем его отчуждения или предоставления другому лицу права использования фирменного наименования) не допускается.

Принятое положение отнюдь не означает, что лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, потеряли возможность приобрести вместе с имущественным комплексом предприятия его клиентулу и ту степень доверия, которые обеспечивались фирмой предпринимателя. Законодатель для этих целей ввел новый объект интеллектуальной собственности — коммерческое обозначение. Соответственно, в статьи части первой и второй ГК, предусматривающие возможность перехода фирменного наименования по сделке к другому лицу, внесены соответствующие изменения. В частности, в ст. 132, 559, а также статьях гл. 54 ГК слова «фирменное наименование» заменены словами «коммерческое обозначение».

Термин «коммерческое обозначение» не является новым для российского законодательства. Впервые он появился в части второй ГК в связи с договором коммерческой концессии, однако определения термина «коммерческое обозначение» в соответствующей главе не приводилось. В отсутствие законодательной расшифровки коммерческое обозначение понималось большинством цивилистов как незарегистрированное, но общеизвестное наименование, используемое в деятельности предпринимателя [2, с. 735].

Часть четвертая ГК определяет коммерческое обозначение как средство индивидуализации торговых, промышленных и других предприятий, принадлежащих юридическим лицам, осуществляющим предпринимательскую деятельность, а также индивидуальным предпринимателям (п. 1 ст. 1538 ГК). Для получения правовой охраны коммерческое обозначение должно обладать, во-первых, достаточной различительной способностью; во-вторых, его употребление правообладателем для индивидуализации своего предприятия должно быть известным в пределах определенной территории (п. 1 ст. 1539 ГК).

Различительная способность представляет собой такое свойство коммерческого обозначения, которое позволяет потребителю его запомнить и в последующем связать с конкретным предприятием¹. Для этого коммерческое обозначение должно быть новым и оригинальным. Новизна рассматриваемого средства индивидуализации достигается посредством законодательного запрета на использование коммерческого обозначения, сходного до степени смешения с фирменным наименованием, товарным знаком или защищенным исключительным правом коммерческим обозначением, принадлежащим другому лицу, у которого соответствующее исключительное право возникло ранее (п. 2 ст. 1539 ГК).

Предлагается дополнить указанную норму положением об ограничении такого запрета по предметному и пространственному принципу. Имеется в виду, что коммерческое обозначение не должно смешиваться со средствами индивидуализации конкурентов, т. е. лиц, работающих в той же отрасли торговли и промышленности и, более того, в том же районе [8, с. 47]. Подобное правило косвенно вытекает из п. 6 ст. 1252 ГК, предусматривающего для целей защиты нарушенных исключительных прав возможность частичного запрета на использование коммерческого обозначения в пределах определенной территории и (или) в определенных видах деятельности. Аналогичный подход начал формироваться еще до принятия части четвертой ГК РФ и в судебной практике. Так, в одном из постановлений ВАС РФ отмечается, что в спорных ситуациях для признания использования одного из средств индивидуализации незаконным следует определять не только степень их сходства, но и одновременно сравнивать сферы фактической деятельности сторон, а именно деловой и территориальной (Постановление Президиума ВАС РФ от 05.03.2002 г. № 4193). Действительно, учитывая тот факт, что коммерческое обозначение служит в первую очередь сохранению круга потребителей предприятия, нарушение исключительного права может быть только со стороны недобросовестных конкурентов, стремящихся переманить от правообладателя потребителей. Использование другим юридическим лицом аналогичного коммерческого обозначения для индивидуализации предприятия, работающего в иной отрасли торговли или промышленности либо за территорией, на которую распро-

¹ Такое понятие различительной способности, правда, в отношении товарных знаков, дает в своем интервью Е. Н. Шестакова [4].

страняется известность предприятия, не может отвлечь клиентов от правообладателя, а, соответственно, нанести ущерб его деятельности.

Помимо того, что коммерческое обозначение должно быть новым, для получения различительной способности оно также должно быть и оригинальным. Так, абсолютно очевидно, что коммерческое обозначение не может состоять только из слов, обозначающих род деятельности предприятия, или слов, характеризующих производимые предприятием товары, в том числе указывающих на их вид, качество, количество, свойство, назначение, ценность. Представляется необходимым законодательно закрепить, в каких случаях коммерческое обозначение не обладает различительной способностью, как это сделано в отношении товарных знаков (п. 1 ст. 1483 ГК).

К сожалению, § 4 гл. 76 ГК не закрепляет, в каком виде может существовать коммерческое обозначение предприятия, как это имеет место в отношении таких средств индивидуализации, как фирменное наименование или товарный знак (ст. 1473, 1482 ГК). В отсутствие запрета можно предположить, что индивидуализировать предприятие могут словесные, изобразительные, объемные и другие обозначения или их комбинации.

Хотелось бы обратить внимание и на отсутствие в § 4 гл. 76 ГК норм, которые бы не допускали использование в коммерческом обозначении элементов, запрещенных в соответствии с правилами ГК о фирменных наименованиях и товарных знаках. Имеются в виду элементы, представляющие собой государственные символы, полные или сокращенные официальные наименования Российской Федерации, иностранных государств и т. п. Представляется, что для получения правовой охраны коммерческие обозначения должны отвечать правилам п. 2, 4 ст. 1473, ст. 1483 ГК, в силу чего § 4 гл. 76 ГК должен быть дополнен соответствующими нормами.

Что касается такого признака охраняемого коммерческого обозначения, как его известность, то из содержания § 4 гл. 76 ГК остается неясным, что следует понимать под известностью коммерческого обозначения. Исходя из тех задач, которые призваны решать любые средства индивидуализации, можно предположить, что коммерческое обозначение обладает признаком известности, если оно является узнаваемым среди потребителей товаров (работ, услуг), производимых предприятием.

Определение известности коммерческого обозначения, вероятно, более под силу специалистам по маркетингу, чем юристам, хотя маркетологи оперируют не понятиями «фирменное наименование», «коммерческое обозначение» или «товарный знак», а более общим понятием «бренд» (соотношение указанных правовых понятий и понятия бренда не входит в предмет настоящего исследования). Поскольку законодатель не выделяет никаких критериев для оценки известности коммерческого обозначения, учитывая определенное сходство ситуаций, предлагается воспользоваться имеющейся практикой определения известности брендов.

Считается, что известность определенного бренда у потребителя, хотя и в достаточной степени субъективное, но вполне измеряемое понятие. Обычно она определяется как процент целевой аудитории, который может вспомнить данный бренд. Известность бренда бывает двух типов: измеряемая без подсказок — когда респондент (потребитель) сам вспоминает бренд и подсказанная — когда бренд узнается среди других из списка. Как можно заметить, оценка степени известности бренда — задача хоть и сложная, по-

скольку требует привлечения к участию в этом процессе потребителей определенной категории товаров или услуг, но не невозможная.

Другой небезынтересный и важный вопрос связан с моментом возникновения права на коммерческое обозначение. П. 2 ст. 1539 ГК закрепляет принцип старшинства права, т. е. в случае спора преимущество имеет средство индивидуализации, исключительное право на которое возникло ранее. Однако как определить момент возникновения права, если законодатель не предусматривает на этот счет никаких специальных правил?

Большинство цивилистов при ответе на этот вопрос руководствуются нормой п. 1 ст. 1539 ГК, исходя из которой правовую защиту получает такое обладающее различительными признаками коммерческое обозначение, которое первым получило известность в пределах определенной территории. Но на этом этапе возникает новый вопрос, как определить, чье коммерческое обозначение стало узнаваемым ранее? Выше указывалось, что категория известности носит оценочный характер, а определение момента ее наступления весьма субъективно. Поэтому, с нашей точки зрения, следует говорить не о получении коммерческим обозначением известности, а о начале его использования: это сделает момент возникновения исключительного права более конкретным. В этой связи любой предприниматель заинтересован в том, чтобы сохранить документы, которые подтверждали бы начало использования коммерческого обозначения (например, газеты с рекламой предприятия, чеки, бланки, деловая переписка с контрагентами).

В. И. Бирюлин предлагает подтверждать факт начала использования своего коммерческого обозначения внесением дополнений в учредительные документы юридических лиц, даже несмотря на то, что подобное требование законодательно не закреплено. Кроме этого, указанный автор находит возможным «депонировать коммерческое обозначение... использовать нотариальное или иное установленное законодательством удостоверение начала использования коммерческого обозначения... что может быть впоследствии принято судом в качестве надлежащих доказательств как создания и использования коммерческого обозначения, так и установления фиксированной даты начала действия исключительного права» [1, с. 8].

Однако, на наш взгляд, предлагаемым образом можно подтвердить лишь факт создания коммерческого обозначения, тогда как специфическим признаком рассматриваемого средства индивидуализации является то, что коммерческое обозначение есть объект, *используемый* в предпринимательской деятельности. Поэтому для получения правовой защиты недостаточно простого указания на то, что «это коммерческое обозначение является моим», необходимо ввести его в оборот, т. е. начать его использовать в рекламе, документации, на товарах или их упаковках.

Некоторые авторы даже предлагают установить минимальный период времени с начала использования коммерческого обозначения, который должен пройти для приобретения обозначением обязательного свойства известности [14, с. 12—14]. Однако, на наш взгляд, такое решение не совсем корректно, поскольку каждое предприятие имеет свою территорию узнаваемости. Тот срок, который может быть достаточным для получения известности в границах города или района, конечно, не подходит для приобретения известности на территории субъекта РФ или всей страны.

Стремление создать формулу, способную придать устойчивость рассматриваемым отношениям, вполне обоснованно, ведь отсутствие должной

определенности в вопросе о начале признания и охраны исключительного права на коммерческое обозначение может повлечь негативные последствия для обладателя рассматриваемого средства индивидуализации, например, при оспаривании первенства лицом, зарегистрировавшим товарный знак, сходный до степени смешения с коммерческим обозначением. В связи с этим считается, что защита права на фирменное наименование и товарный знак сильнее и эффективнее, чем защита прав на коммерческое обозначение, в силу обязательной регистрации первых двух [10].

Правообладателю принадлежит исключительное право использования коммерческого обозначения в качестве средства индивидуализации принадлежащего ему предприятия, в том числе путем указания коммерческого обозначения на вывесках, бланках, в счетах и на иной документации, в объявлениях и рекламе, товарах и их упаковках (п. 1 ст. 1539 ГК). Правообладатель также вправе распорядиться своим исключительным правом на коммерческое обозначение с ограничениями, указанными в законе. Так, Гражданский кодекс закрепляет принцип неотчуждаемости коммерческого обозначения отдельно от предприятия, которое оно индивидуализирует. Согласно п. 4 ст. 1539 ГК исключительное право на коммерческое обозначение может перейти к другому лицу только в составе предприятия, для индивидуализации которого оно используется. При этом переход предприятия без исключительного права на коммерческое обозначение законом допускается. Нет необходимости доказывать, что включение коммерческого обозначения в состав передаваемого предприятия значительно увеличивает его стоимость, однако в некоторых случаях продавец предприятия может быть не заинтересован в передаче покупателю коммерческого обозначения. Такая ситуация может возникнуть, например, если коммерческое обозначение используется правообладателем для индивидуализации нескольких предприятий (п. 2 ст. 1538 ГК). В этом случае переход к другому лицу исключительного права на коммерческое обозначение в составе одного из предприятий лишает правообладателя права использования этого коммерческого обозначения для индивидуализации остальных его предприятий (п. 4 ст. 1539 ГК). Таким образом, предприниматель оказывается перед выбором наименьшего зла: отдать коммерческое обозначение покупателю и оставить остальной свой бизнес без средства индивидуализации, уже получившего определенную известность, или понести ущерб, продав предприятие без коммерческого обозначения за меньшую цену.

Хотелось бы обратить внимание, что законодатель не запрещает правообладателю индивидуализировать каждое из находящихся в его собственности предприятий, поэтому в интересах лица, осуществляющего предпринимательскую деятельность, использовать для каждого предприятия свое коммерческое обозначение. Такая политика позволит избежать убытков при продаже одного из предприятий, а также получить большую прибыль в случае отчуждения нескольких предприятий.

Предоставить другому лицу право использования своего коммерческого обозначения правообладатель может в порядке и на условиях, которые предусмотрены договором аренды предприятия (ст. 656 ГК) или договором коммерческой концессии (ст. 1027 ГК).

Исключительное право на коммерческое обозначение прекращается в связи с ликвидацией юридического лица — правообладателя, самого предприятия (за исключением случая, если коммерческое обозначение индиви-

дуализирует несколько предприятий) либо если правообладатель не использует его непрерывно в течение года (ст. 1540 ГК).

Несмотря на то что законодатель четко закрепляет, что коммерческое обозначение следует рассматривать в качестве средства индивидуализации предприятия, фирменное наименование — коммерческой организации, а товарный знак и знак обслуживания — товаров, работ и услуг, при прочтении гл. 76 ГК можно заметить некоторое смешение функций этих средств индивидуализации. Во многом это объясняется следующими обстоятельствами.

Во-первых, все обозначенные средства индивидуализации тесным образом взаимосвязаны. Как указывает А. Осокин, предприниматель взаимодействует с рынком через деятельность своего предприятия и продукцию, маркированную товарными знаками. В свою очередь, эти объекты, являясь «посредниками» между потребителем и предпринимателем, выступают в роли носителей деловой репутации самого хозяйствующего субъекта [7].

Во-вторых, одно и то же название может быть использовано правообладателем не только в фирменном наименовании, но и в коммерческом обозначении, а также входить в состав товарного знака (ст. 1476, 1541 ГК).

В-третьих, содержания исключительных прав на рассматриваемые средства индивидуализации почти полностью совпадают (ст. 1474, 1484, 1539 ГК).

В этой связи хотелось бы подробнее остановиться на соотношении коммерческого обозначения с такими средствами индивидуализации, как фирменное наименование и товарный знак.

В соответствии с п. 1 ст. 1476 ГК фирменное наименование или отдельные его элементы могут использоваться правообладателем в составе принадлежащего ему коммерческого обозначения. При этом исключительное право на коммерческое обозначение, включающее фирменное наименование правообладателя или отдельные его элементы, возникает и действует независимо от исключительного права на фирменное наименование (п. 1 ст. 1541 ГК). Представляется, что если юридическое лицо решает дать предприятию имя, аналогичное своему фирменному наименованию, то наряду с функцией индивидуализации коммерческой организации фирменное наименование будет выполнять и функцию индивидуализации предприятия. Учитывая тот факт, что коммерческое обозначение не нуждается в государственной регистрации, желание правообладателя использовать свое фирменное наименование в качестве обозначения бизнеса будет явствовать из действий правообладателя, например указание фирменного наименования в объявлениях и рекламе предприятия.

На наш взгляд, предоставление правообладателю возможности использовать свое фирменное наименование в целом в качестве коммерческого обозначения не совсем корректно. Мы исходим из того, что согласно ст. 1473 ГК фирменное наименование должно содержать не только собственно наименование юридического лица, но и указание на его организационно-правовую форму. Принимая во внимание отчуждаемость исключительного права на коммерческое обозначение, наличие в его составе указания на организационно-правовую форму коммерческой организации будет вводить потребителя в заблуждение относительно принадлежности предприятия определенному лицу (п. 2 ст. 1539 ГК). Таким образом, было бы правильнее сформулировать п. 1 ст. 1476 следующим образом: «Собственно наименование юридического лица или отдельные его элементы могут использоваться правообладателем в составе принадлежащего ему коммерческого обозначения».

Существуют и другие проблемы, связанные с переходом исключительного права на коммерческое обозначение, включающее фирменное наименование юридического лица или отдельные его элементы. В соответствии со ст. 1474 ГК правообладателю принадлежит право использовать свое фирменное наименование в качестве средства индивидуализации любым не противоречащим закону способом, в том числе путем его указания на вывесках, бланках, в счетах и на иной документации, в объявлениях и рекламе, на товарах и их упаковках. Указанные способы в конечном итоге позволяют различать лиц, ведущих конкурентную деятельность, принадлежащие им предприятия, производимые ими товары. Возникает вопрос, сохраняет ли организация все вышеуказанные права при переходе в составе предприятия коммерческого обозначения, включающего в себя фирменное наименование?

Согласно позиции Президиума ВАС РФ индивидуализация юридического лица имеет значение постольку, поскольку предполагается участие такого лица в хозяйственном обороте, во внешней деятельности той или иной организации, поэтому право на фирменное наименование не может не включать в себя полномочие на его указание юридическим лицом в своих коммерческих и иных предложениях [6]. Таким образом, с учетом того, что после перехода исключительного права на коммерческое обозначение юридическое лицо — продавец — не может быть лишено права использовать свое фирменное наименование способами, которые могут отвлечь клиентов от покупателя предприятия, переход в составе имущественного комплекса коммерческого обозначения лишен всякого смысла.

В соответствии со ст. 1539 ГК правообладатель может использовать исключительное право на коммерческое обозначение путем его указания на производимых им товарах или их упаковках. В такой ситуации коммерческое обозначение будет выступать не только в качестве средства индивидуализации предприятия, но и в качестве средства индивидуализации производимых правообладателем товаров, по сути, заменяя зарегистрированный в установленном порядке товарный знак. Таким образом, § 4 гл. 76 ГК позволит защитить права юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, которые в силу разных причин не могут зарегистрировать товарный знак и знак обслуживания².

Реализация предоставленного законом права на использование коммерческого обозначения путем его указания на товарах или их упаковках не исключает для правообладателя дальнейшей возможности регистрации товарного знака, содержащего коммерческое обозначение или отдельные его элементы (п. 2 ст. 1541 ГК). При этом исключительное право на товарный знак может впоследствии быть передано по договору третьему лицу.

Интересно остановиться и на соотношении коммерческого обозначения с вывеской³. Разница между этими двумя понятиями заключается в том, что

² По мнению некоторых авторов, включение коммерческого обозначения в состав знака обслуживания законом не предусмотрено (см., напр.: [3]). Такая позиция представляется спорной, поскольку в соответствии с п. 2 ст. 1477 ГК правила Гражданского кодекса о товарных знаках автоматически применяются к знакам обслуживания.

³ Существует точка зрения, что коммерческое обозначение и вывеска понятия тождественны (см.: [5]). Однако представляется, что в этом случае помещение коммерческого обозначения на вывеску было бы не только правом, но и обязанностью правообладателя (п. 1 ст. 1539 ГК).

коммерческое обозначение индивидуализирует предприятие, а вывеска — торговое заведение, т. е. место деятельности предприятия. При одном коммерческом обозначении может быть несколько вывесок, но не наоборот [13, с. 76]. В тех случаях, когда предприятие содержит лишь одно заведение, может быть сильный соблазн смешения имени предприятия с именем заведения, однако между ними необходимо проводить строгое различие, допуская наряду с обозначением предприятия и обозначения состоящих при нем торговых заведений [8, с. 2].

В соответствии со ст. 1539 ГК правообладатель вправе размещать свое коммерческое обозначение на вывесках. При этом закон не запрещает указывать на вывеске и название, отличное от названия предприятия. Однако лицо, ведущее предпринимательскую деятельность, может защитить от недобросовестного заимствования конкурентов только такое наименование своего торгового заведения, которое совпадает с коммерческим обозначением предприятия (либо фирменным наименованием или товарным знаком). Представляется, что необходимо предоставить защиту и обозначениям торговых заведений. Так, до революции коммерсанту принадлежало исключительное право на вывеску при условии достаточной ее индивидуальности и распознаваемости от других, служащих для той же цели [8, с. 47].

На наш взгляд, можно отметить следующие положительные моменты появления такого нового объекта интеллектуальной собственности, как коммерческое обозначение. Во-первых, индивидуальные предприниматели, выступающие в гражданском обороте под своим именем, получили возможность защитить от заимствования недобросовестными конкурентами те оригинальные названия, которые они используют для обозначения своего бизнеса. Во-вторых, получили правовую защиту названия предприятий, не совпадающие с фирменным наименованием коммерческих организаций. В-третьих, ранее индивидуальные предприниматели не могли рассчитывать на приобретение в составе предприятия фирменного наименования, поскольку последнее являлось одновременно средством индивидуализации юридического лица. Коммерческое обозначение объявляется средством индивидуализации предприятия, поэтому право на его приобретение получают как коммерческие организации, так и индивидуальные предприниматели.

Библиографический список

1. *Бирюлин В. И.* Коммерческое обозначение, или Кот в мешке // Патенты и лицензии. 2007. № 8.
2. Гражданское право : учеб. : в 3 т. 4-е изд., перераб. и доп. / Е. Ю. Валявина, И. В. Елисеев и др.; отв. ред. А. П. Сергеев, Ю. К. Толстой. М.: ТК Велби : Проспект, 2006. Т. 2.
3. *Зуйкова Л.* Коммерческое обозначение в части четвертой ГК РФ. URL: <http://www.akdi.ru/BASE/nb/2007/044926nb.htm>
4. Интервью Е. Н. Шестаковой. URL: http://www.intellectpro.ru/comments/?oper=view&tema_id=78
5. *Козырь О. М.* Комментарий к гл. 76 ГК РФ // Комментарий к Гражданскому кодексу РФ (постатейный) : часть четвертая / под ред. А. Л. Маковского. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел, связанных с применением законодательства об интеллектуальной собственности : информационное письмо Президиума ВАС РФ от 13.12.2007 г. № 122 // Вестн. ВАС РФ. 2008. № 2.

7. *Осокин А. А.* Правовое содержание коммерческого обозначения : тез. докл. URL: <http://www.legalhelp.ru/rus/articles/ao1.shtml>
8. *Розенберг В. В.* Фирма : догматический очерк. СПб., 1914.
9. *Сергеев А. П.* Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации. М.: Теис, 1996.
10. *Старженецкий В.* Защита коммерческих обозначений в арбитражных судах РФ. URL: <http://www.lawmix.ru/comm.php?id=4529>
11. *Степанов С. А.* Имущественные комплексы в российском гражданском праве. М.: НОРМА, 2002.
12. *Черникова Е. В.* Оценка стоимости бренда. URL: <http://nbene.narod.ru/market/fmarket12.htm>
13. *Шершеневич Г. Ф.* Учебник торгового права [по изд. 1914 г.]. М.: СПАРК, 1994.
14. *Шишкин Д. А.* Проблемы совершенствования правового регулирования институтов исключительных прав на фирменные наименования и коммерческие обозначения в правовой науке и гражданском законодательстве // Рос. юстиция. 2006. № 12.

ББК 67.408

О. И. Годунов

К ВОПРОСУ О НЕОКОНЧЕННОМ ПРЕСТУПЛЕНИИ И УГОЛОВНО-ПРАВОВОМ ЗНАЧЕНИИ СТАДИЙ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРЕСТУПНОГО НАМЕРЕНИЯ

В отечественной уголовно-правовой доктрине исследование неоконченной преступной деятельности началось в первой половине XIX века с теоретической разработки О. Горегляда, опубликовавшего в 1815 г. первое определение покушения на преступление [2, с. 93]. С тех пор неоконченная преступная деятельность получила фундаментальное теоретическое обоснование, но, тем не менее, единства взглядов среди ученых по сей день так и не достигнуто и проблема исследования института неоконченного преступления продолжает оставаться актуальной.

В современной науке уголовного права значительным достижением теоретической мысли стало формирование нового подхода к приготовлению и покушению как к самостоятельным видам неоконченных преступлений [22, с. 5; 8, с. 52; 13, с. 116—117; 16, с. 160; 20, с. 106; 25, с. 84]. Однако при этом среди части специалистов сложилось мнение, что стадии преступной деятельности не существуют, т. к. законодатель использует понятие «неоконченное преступление» и именно с ним связывает уголовную ответственность, если преступление не доводится до конца по обстоятельствам, не зависящим от воли лица [3, с. 10—11; 4, с. 41—42; 14, с. 84—85].

Изложенную точку зрения М. В. Гринь подкрепляет следующими комментариями: «Стадии совершения преступления и неоконченное преступление — это не одно и то же. Это разные уголовно-правовые категории. Стадии нельзя признать фундаментом, на котором покоится анализируемое уголовно-правовое явление, поскольку не все реальные преступные посягательства развиваются по схеме: приготовление, покушение, окончательное преступление.

© Годунов О. И., 2009

Стадии, в которых реализуются преступления, не вызывают значимых юридических последствий. Не связан со стадиями и момент окончания преступления в различных составах преступлений, предусмотренных Особенной частью УК РФ. Он зависит от типа конструкции состава преступления (материальный, формальный, усеченный и т. д.). Вопрос о четком разграничении и различении понятий “стадии совершения преступления” и “виды неоконченного преступления” носит обязательный характер. С принятием УК РФ 1996 г. стадии совершения преступления законом не регламентируются» (см.: [25, с. 84]).

Таким образом, развитие концепции неоконченных преступлений как внестадийных деликтов оказалось сопряженным с неоправданным, по нашему мнению, игнорированием значимости сложившейся и развивающейся системы взглядов о стадиях совершения преступления. На определенную несогласованность между этими институтами уже обратили внимание некоторые современные специалисты. М. П. Редин высказал предложение в качестве «стадий осуществления преступного намерения» выделять «стадию приготовления к преступлению» и «стадию совершения преступления» [18, с. 13—14].

Наличие стадий осуществления преступного намерения не отрицают и некоторые явные противники рассматриваемой концепции, и специалисты, неоднократно предпринимавшие попытки скорректировать свой подход к решению данной проблемы с учетом достижений современной теоретической мысли и позиции законодателя. Так, А. И. Ситникова в своих рассуждениях приходит к следующим выводам: «На наш взгляд, *любое умышленное преступление может проходить этапы своего развития*. Такими этапами могут быть: подготовительные действия, выполнение объективной стороны состава преступления и окончание преступления. Выделение этих этапов теоретически возможно для тех преступлений, которые проходят определенные этапы развития. Однако *такие преступления являются окончательными, и на практике так называемые стадии не выделяются, так как не влияют на квалификацию*» (курсив наш. — О. Г.) [20, с. 99]. Мы решительно не можем согласиться с изложенными утверждениями автора по следующим основаниям. А. И. Ситникова признает возможность прохождения любым умышленным преступлением определенных этапов своего развития, но далее делает, на наш взгляд, несколько ошибочных выводов: 1) об окончательности всех преступлений, которые проходят определенные этапы развития; 2) о возможности выделения таких этапов лишь теоретически; 3) о том, что на практике рассматриваемые стадии не выделяются; 4) о том, что стадии не влияют на квалификацию.

Прежде всего отметим, что в контексте рассматриваемой проблемы акцентировать внимание на *оконченности* преступлений некорректно, момент завершения преступного намерения присущ лишь определенной части преступлений: на различных стадиях осуществления преступного намерения какая-то часть преступлений пресекается, от доведения другой части преступлений до конца виновные лица добровольно отказываются.

Несостоятельность трех следующих анализируемых выводов, по нашему мнению, достаточно очевидна в силу их явного противоречия воле законодателя, изложенной в нормативно закрепленных задачах Уголовного кодекса Российской Федерации. Так, согласно ч. 1 ст. 2 задачами УК РФ являются: охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации *от преступных посягательств*,

обеспечение мира и безопасности человечества, а также *предупреждение преступлений*.

Следует отметить, что термин *посягательство*, являясь отглагольным существительным, имеет конкретное происхождение от древнерусского глагола «сягать» (доставать рукою) и несет весьма широкую смысловую нагрузку в значении «неправого, корыстного, властолюбивого стремления» — «посягать, покушаться, дерзать, замышлять, умышлять, намеревать или притязать, изъявлять требования» [5, т. 3, с. 352]. Законодатель, используя анализируемый термин, обоснованно и существенно сузил его смысловую многозначность путем закрепления в ст. 8 УК РФ следующего положения: «Основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом». В нем особого внимания заслуживают два принципиальных момента: первый — «совершение деяния» (исключающее возможность уголовного преследования за «голый умысел») и второй — «настоящим Кодексом» (т. е. как Особенной, так и Общей его частями). При этом из всех сформулированных задач уголовного законодательства первое место отведено *охранительной функции* уголовного права, являющейся, как справедливо отмечает А. И. Чучаев, «основной его задачей, ради реализации которой оно и существует» (см.: [23, с. 13]). При этом охрана объектов, взятых под уголовно-правовую защиту, осуществляется от *преступных посягательств*, которые сам закон рассматривает шире, чем оконченное и даже неоконченное преступление. Не случайно А. И. Шумилов отмечает, что под *преступными посягательствами*, о которых идет речь в комментируемой статье, понимаются антиобщественные противоправные деяния, направленные на совершение преступления [9, с. 16]. В свою очередь, В. И. Зажицкий правильно добавляет, что наряду с охранительной функцией в уголовном законодательстве впервые выделена и *предупредительная функция* уголовного права, реализующаяся «не только в запрещающих, но и в поощрительных нормах, которые побуждают лицо: активно противодействовать преступлению и преступнику (необходимая оборона, задержание преступника и т. д.); к *отказу от доведения до конца начатого преступления* (курсив наш. — О. Г.) или к восстановлению нарушенного блага (добровольный отказ от совершения преступления, добровольное освобождение похищенного человека, добровольное и своевременное сообщение органам власти о совершенной государственной измене и т. д.)» [9, с. 14]. Далее В. И. Зажицкий приходит к верному, по нашему мнению, выводу: «Предупредить можно только общественно опасные деяния, которые еще не совершены» [9, с. 21]. Следовательно, сам законодатель, формулируя две основные задачи Уголовного кодекса — обеспечение охраны уголовно-правовых объектов от преступных посягательств и предупреждение преступлений, предписывает необходимость и обязательность их реализации в любой момент подготовки и осуществления преступного намерения (т. е. на любой из его стадий, начиная, естественно, с момента внешнего проявления подготовительной деятельности). В силу этого вряд ли можно согласиться со специалистами, рассматривающими стадии реализации преступного намерения как чисто теоретическое обобщение, отвлеченное от потребности практики.

Мы разделяем позицию А. А. Клюева, считающего необходимым термин *посягательство* трактовать более широко: включать в него не только действия (бездействие), непосредственно направленные на совершение пре-

ступления, но и создание условий для совершения преступления (см.: [25, с. 399]). Это полностью соответствует уголовному законодательству (ч. 1 ст. 2 УК РФ), позволяющему сделать вывод: любое преступление есть преступное посягательство, но не всякое преступное посягательство есть преступление. Характерной особенностью преступного посягательства является его незавершенность в развивающемся процессе реализации преступного намерения, согласующаяся с его постадийной динамикой.

При этом незавершенность (неоконченность) посягательства заключается в том, что поставленная преступная цель еще не достигнута и, следовательно, в совершенных действиях (бездействии) нет еще предусмотренных уголовным законом всех признаков и неоконченного, и тем более оконченного преступления. Тем не менее неоконченное посягательство, отмечает А. А. Клюев, уже обладает определенными объективными и субъективными критериями. Субъективный критерий заключается в осознании лицом того факта, что оно совершает действие, направленное на причинение вреда личности, обществу или государству, и желает его совершить. Объективный — в том, что лицо совершает действия или бездействие с целью достижения преступного намерения, которое еще не является преступлением (см.: [25, с. 400]).

Выделяя две стадии осуществления преступного намерения («стадию приготовления к преступлению» и «стадию совершения преступления»), М. П. Редин отмечает, что подготовка включает в себя все действия (бездействие) по созданию условий для совершения преступления, в том числе приготовление к преступлению. Стадию совершения преступления образуют две фазы: 1) нападение на объект, 2) непосредственное приведение преднамеренного в исполнение [18, с. 13—14]. Анализируя первую стадию реализации преступного намерения, М. П. Редин приходит к следующим выводам. Умышленное создание условий для исполнения преступления — это такая стадия осуществления преступного намерения, в результате которой лицо *нападает* на объект преступления с целью причинения ему общественно опасного вреда. По нашему мнению, в утверждениях М. П. Редина есть несколько логических ошибок, имеющих принципиальное значение. В контексте предлагаемой концепции стадий осуществления преступного намерения М. П. Редин использует понятие «нападение», которое формулирует следующим образом: «Нападение лица на объект преступления с целью причинения ему общественно опасного вреда — это такая деятельность лица по реализации преступного намерения, при помощи которой должны быть осуществлены умышленные действия (бездействие), непосредственно направленные на исполнение преступления, т. е. это *оконченное* (курсив наш. — О. Г.) умышленное создание условий для исполнения преступления» (см.: [25, с. 209]). Такой подход, с нашей точки зрения, не удачен. Представляется, что «оконченное умышленное создание условий для исполнения преступления» нельзя отождествлять с «нападением лица на объект преступления» по следующим соображениям.

Термин «нападение» происходит от глагола «нападать», означающего «приступать или наступать с насилием» [5, т. 2, с. 446]. Характерные для нападения агрессивные, наступательные действия вряд ли присущи первоначальной стадии осуществления преступного намерения, пусть даже в момент ее полной завершенности (создания условий для реализации посягательства).

В самом словосочетании «нападение лица на объект преступления» скрыто явное противоречие — лицо посягает на правоохраняемые отноше-

ния. На самом деле никакого «нападения» на объект уголовно-правовой охраны на данной стадии не совершается, поскольку создаются лишь условия для достижения преступного результата, предусмотренного законом для окончательного преступления.

Приготовление к преступлению как вид неоконченного преступления может характеризоваться и своей незавершенностью, если деятельность виновного пресекается в самом начале создания условий для непосредственного посягательства на объект. Следовательно, и процесс умышленного создания лицом условий для исполнения преступления в данном случае будет неоконченным, но объект уголовно-правовой охраны под угрозу причинения вреда уже может быть и поставлен.

Подготовительная деятельность, направленная на создание условий для совершения преступления, как первая стадия реализации преступного намерения не просто предшествует второй стадии — стадии совершения преступления, а создает реальную возможность превращения начатого процесса в окончательное преступление. В процессе создания условий для совершения преступления деятельность виновного развивается от простого к сложному, достигая определенной степени завершенности приготовления, когда субъект полагает выполненный объем спланированной деятельности достаточным для осуществления непосредственного посягательства. В результате этого создаются реальные предпосылки для осуществления преступного замысла в целом.

Стадия создания условий для совершения преступления во времени всегда предшествует стадии совершения преступления (непосредственному посягательству). В отличие от непосредственного посягательства приготовление может характеризоваться различной длительностью своего развития во времени. Эта стадия может осуществляться весьма длительное время (продолжаться несколько месяцев и даже лет), но может быть связана и с немедленным воплощением внезапно возникшего замысла в создание необходимых условий с последующей их незамедлительной реализацией.

Точка зрения М. В. Гриня о том, что стадии не связаны с моментом окончания преступления в различных составах преступлений, предусмотренных Особенной частью УК РФ, нам также представляется несостоятельной. Действительно, момент окончания преступления во многом зависит от особенностей законодательного описания данного состава преступления (материальный, формальный, усеченный), но установление в совершенном лицом деянии всех признаков состава преступления, предусмотренного законом, вряд ли возможно реализовать в отрыве от анализа процесса осуществления преступного намерения и стадий его развития. Так, преступления с формальным составом считаются оконченными с момента совершения всех действий, образующих объективную сторону соответствующего состава преступления. Преступления с материальным составом считаются оконченными с момента наступления преступного последствия, предусмотренного статьей Особенной части УК. Момент окончания так называемых усеченных составов преступлений законом переносится либо на стадию приготовления к преступлению, либо на стадию покушения на преступление [15, с. 104].

Н. Ф. Кузнецова, с нашей точки зрения, обоснованно отмечает: «Уголовно-правовое значение имеют стадии лишь умышленного преступления» [10, с. 364]. Далее автор обращает внимание на следующее: «Стадии совершения умышленного преступления имеют значение для квалификации содеянного с точки зрения того, окончено либо не окончено преступление, а если

не окончено, то на какой стадии было прервано — подготовительных действий либо исполнения объективной стороны состава» [10, с. 364]. Считаем необходимым добавить, что в случае доведения преступления до конца стадии осуществления преступного намерения не утрачивают своего уголовно-правового значения, оказывая влияние на квалификацию (в том числе, например, при различных видах и формах соучастия). В теории уголовного права признано, что длительная, тщательная подготовка к совершению даже одного преступления является признаком организованной группы [1, с. 670]. Эта позиция разделяется и судебной практикой. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» (в ред. от 06.02.2007 г. № 7, от 03.04.2008 г. № 4) отметил, что организованная «группа тщательно планирует преступление, заранее подготавливает орудия убийства, распределяет роли между участниками группы» (п. 10). Далее в постановлении предписывается, что при назначении наказания за убийство «необходимо учитывать все обстоятельства, при которых оно совершено: вид умысла, мотивы и цель, способ, обстановку и стадию совершения преступления» (п. 20) [19, с. 161—164].

Весьма своеобразную позицию занимает А. А. Клюев, излагая следующее: «Стадии совершения преступления — это модель умышленного поведения лица по достижению им преступного результата, а неоконченное преступление — это предусмотренная уголовным законом форма преступного поведения лица, прерванная помимо воли виновного, за которое он подвергается уголовной ответственности» (см.: [25, с. 384]). Нам эти выводы представляются не совсем верными по следующим основаниям. Стадии реализации преступного намерения вряд ли стоит отождествлять с моделью умышленного поведения, т. к. это определенные этапы уникального для каждого конкретного случая процесса осуществления преступного посягательства. Правы, с нашей точки зрения, специалисты, отметившие, что «стадии осуществления преступного намерения (стадия создания условий и стадия исполнения преступления) характеризуют развитие преступной деятельности во времени и пространстве, определяют динамику преступления, при которой идет постепенное нарастание общественной опасности содеянного» [25, с. 211; 7, с. 7, 13, 18].

На основании вышеизложенных соображений мы не можем согласиться не только с А. И. Ситниковой, но и с М. В. Гринем, который констатировал следующий вывод: «Стадии, в которых реализуются преступления, не вызывают значимых юридических последствий» (см.: [25, с. 84]). Мы полагаем, что это не так. Деятельность лица по реализации преступного намерения в зависимости от достигнутой стадии своего развития может привести к одному из следующих пяти последствий, имеющих различное юридическое значение:

1) к прекращению реализации преступного намерения в результате акта добровольного отказа лица от преступления (как на стадии умышленного создания условий для исполнения преступления любой категории, а не только тяжкого и особо тяжкого преступления, так и на стадии исполнения преступления любой тяжести);

2) к пресечению создания условий для исполнения преступления небольшой и средней тяжести;

3) к приготовлению тяжкого или особо тяжкого преступления;

4) к покушению на преступление любой тяжести;

5) к окончательному преступлению.

К аналогичным выводам приходит и М. П. Редин: «Когда в уголовном законодательстве идет речь об ответственности за неоконченное преступление, то имеются в виду <...> случаи <...> когда деятельность лица по реализации преступного намерения была окончательно прекращена по не зависящим от этого лица обстоятельствам, на стадии создания условий для исполнения тяжкого или особо тяжкого преступления до начала исполнения преступления — приготовления к преступлению — либо на стадии исполнения преступления любой тяжести до момента “наполнения” всеми признаками состава преступления, предусмотренного Особенной частью УК РФ (т. е. при условии недоведения преступления до конца), — покушение на преступление» (см.: [25, с. 217]).

Однако выводы М. П. Редина требуют уточнения. Совершенно очевидно, что, во-первых, лицо может добровольно отказаться от преступления и на стадии умышленного создания условий для исполнения преступления небольшой или средней тяжести. Во-вторых, на этой стадии такая деятельность может быть пресечена. В результате пресечения умышленного создания условий для исполнения преступлений небольшой и средней тяжести возможность привлечения виновного к уголовной ответственности исключается, т. к. согласно ч. 2 ст. 30 УК РФ уголовная ответственность наступает за приготовление только к тяжкому и особо тяжкому преступлению. Однако это не означает, что факт пресечения умышленного создания условий для исполнения преступлений небольшой и средней тяжести вообще не имеет уголовно-правового значения и юридически значимых последствий, т. к. согласно ч. 2 ст. 29 УК РФ приготовление к преступлению любой тяжести признается неоконченным преступлением. Иное противоречило бы здравому смыслу. Не случайно пресечение подготовительной деятельности к преступлениям любых категорий является профессиональной обязанностью для органов уголовной юстиции. Полученный результат, а именно пресечение преступной деятельности на стадии создания условий для совершения преступления небольшой и средней тяжести, естественно, имеет уголовно-правовое значение, заключающееся в реализации охранительной и предупредительной функций Уголовного кодекса (ч. 1 ст. 2 УК РФ). В противном случае процесс реализации преступного намерения на стадии умышленного создания условий для исполнения преступлений небольшой и средней тяжести оказался бы вне сферы уголовно-правового влияния, но это и в теории, и на практике, к счастью, не так.

М. П. Редин и сам обоснованно отмечает, обобщая и разделяя мнение значительной части ученых — В. М. Чхиквадзе, Н. Д. Дурманова, А. А. Пионтковского, А. И. Санталова, Н. С. Алексеева, В. Г. Смирнова, М. Д. Шаргородского, В. Н. Кудрявцева, Я. М. Брайна, В. Д. Иванова, В. С. Прохорова, Т. Д. Устиновой, С. И. Никулина и многих других, что в неоконченных преступлениях всегда имеются составы приготовления к определенному преступлению либо покушения на определенное преступление, признаки которых определяются диспозициями норм Особенной части и положениями статей Общей части Уголовного кодекса, в частности определяющих приготовление к преступлению и покушение на преступление (см.: [25, с. 284—285]). Однако автор не учитывает, в частности, *предупредительную функцию* состава преступления, по поводу которой Э. С. Тенцов отмечает следующее: «Коль скоро состав содержит упорядоченную совокупность типичных свойств, характеризующих элементы преступления определенного вида, органы и должностные лица системы уголовной юстиции получают

возможность, опираясь на признаки состава, эффективно вести профилактику преступлений этого вида» [22, с. 45—46]. «Мы бы назвали такие правоотношения уголовно-предупредительными, — продолжает Э. С. Тенчов, — ибо они обладают определенным механизмом предотвращения преступлений, который реализуется на базе активной превентивной деятельности органов уголовной юстиции. Будучи адресатами предписаний уголовного закона, они призваны не только разоблачать и предавать суду лиц, уже совершивших преступление, но также, имея полномочия от государства, удерживать от преступлений других неустойчивых лиц и содействовать укреплению антикриминальных убеждений законопослушных граждан» [22, с. 9].

Кстати, на то, что законодатель в качестве неоконченного преступления признает приготовление к преступлению любой тяжести (ч. 2 ст. 29 УК РФ), но уголовную ответственность предусматривает лишь за приготовление к тяжкому и особо тяжкому преступлению (ч. 2 ст. 30 УК РФ), обратили внимание многие специалисты.

В литературе высказаны предложения о частичной либо полной декриминализации приготовления к преступлению [24, с. 9; 25, с. 6, 191]. Например, М. П. Редин — сторонник частичной декриминализации приготовительных действий — отмечает, что приготовлению к преступлению присуща незначительная опасность причинения вреда объектам, охраняемым уголовным правом, а поэтому оно в силу малозначительности не представляет общественной опасности [17, с. 15]. В. Б. Малинин, М. В. Гринь, высказали мнение о том, что уголовный закон должен отказаться от уголовной ответственности за приготовительные действия по целому ряду причин. Среди таких причин М. В. Гринь выделяет следующие: 1) значительный разрыв во времени между приготовительными действиями и окончательным преступлением; 2) малая общественная опасность приготовительных действий; 3) трудности процессуального доказывания; 4) скрытность подготовительных действий; 5) отсутствие непосредственного воздействия на объект; 6) возможность признания подготовительных действий малозначительными в силу ч. 2 ст. 14 УК РФ [11, с. 104; 3, с. 13]. Совершенно очевидно, с нашей точки зрения, что в своих рассуждениях авторы игнорируют объективные и субъективные признаки приготовления к совершению преступления, поэтому предложенные аргументы вряд ли могут быть состоятельными.

В. Д. Иванов, резюмируя свою поддержку законодателя в вопросе о частичной криминализации подготовительных действий, отмечает, что «положения закона о наказуемости только приготовлений к совершению тяжких и особо тяжких преступлений позволяют сотрудникам правоохранительных органов правильно организовывать работу по предупреждению и пресечению преступных посягательств». Данное утверждение автора вряд ли можно признать состоятельным (см.: [25, с. 191]). С В. Д. Ивановым можно согласиться лишь в том, что «ст. 30 УК РФ служит правовой основой для организации такой работы» [там же]. Однако она отнюдь не способствует повышению результативности, эффективному использованию сил и средств, а также взаимодействию между различными структурными подразделениями, например между криминальной милицией и милицией общественной безопасности. С нашей точки зрения, как раз наоборот, поэтому мы разделяем вывод С. Ф. Милюкова о том, что «действующий уголовный закон мало способствует распознаванию действительной стадии совершения преступления и установлению справедливого наказания за неоконченные преступные деяния [12, с. 86].

В качестве примера можно проанализировать превентивную роль пресечения приискания соучастников, а также пресечения сговора на совершение некоторых видов краж, квалифицирующими признаками которых является их совершение: группой лиц по предварительному сговору (п. «а» ч. 2 ст. 158 УК); с незаконным проникновением в помещение либо иное хранилище (п. «б» ч. 2 ст. 158 УК); из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем (п. «г» ч. 2 ст. 158 УК); с причинением значительного ущерба гражданину (п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ). Пресечение этих процессов реализации преступного намерения на стадии создания условий для совершения преступлений средней тяжести (каковыми они все являются) исключает уголовную ответственность приготавливавшихся лиц (даже если эти преступления подготавливались членами организованной группы). При этом совершенно очевидно, что создание условий для совершения, например, кражи с незаконным проникновением в помещение либо иное хранилище (п. «б» ч. 2 ст. 158 УК) мало чем отличается от аналогичных приготовлений к краже с незаконным проникновением в жилище (п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ). Между тем правовые последствия для лиц, реализация преступных намерений которых пресекается на этой стадии, весьма различны.

Мы разделяем позицию Г. В. Назаренко и А. И. Ситниковой о необходимости криминализовать preparatory actions к преступлению любой тяжести [14, с. 131]. На наш взгляд, законодатель, декриминализовав приготовление к преступлению небольшой и средней тяжести, нарушил законы формальной логики. Как можно приготовление к преступлению небольшой и средней тяжести объявить неоконченным преступлением (ч. 2 ст. 29, ч. 1 ст. 30 УК РФ), но исключить за него уголовную ответственность (ч. 2 ст. 30 УК РФ)? Получается, что законодатель вопреки здравому смыслу и принципу законности, одним из обязательных признаков которого является неотвратимость ответственности (ст. 3 УК РФ), предоставил своего рода «индальгенцию» тем, чья преступная деятельность будет пресечена на стадии создания условий для исполнения преступлений рассматриваемых категорий? Поэтому мы считаем необходимым поддержать специалистов, которые усматривают редакционное несовершенство действующего уголовного законодательства и предлагают внести соответствующее изменение в ч. 2 ст. 29 УК РФ. В этой связи А. И. Ситникова пишет: «Декриминализация preparatory actions к преступлениям небольшой и средней тяжести вызывает вполне заслуженную критику, так как снижает активность правоохранительных органов по предупреждению готовящихся преступлений. С целью ориентации правоохранительных органов на выявление preparatory actions и пресечение готовящихся преступлений нами предлагается признать наказуемыми preparatory actions независимо от категории преступления. Норма об ответственности за приготовление к любому преступлению должна быть превентивной и не создавать мнение о ненаказуемости preparatory actions не только у юристов-практиков, но и у граждан, которым адресованы уголовно-правовые запреты. Криминализация всех preparatory actions позволит активизировать работу сотрудников милиции и в первую очередь оперативных служб по выявлению лиц, совершающих действия, предусмотренные ч. 1 ст. 30 УК РФ» [20, с. 143].

Обобщая изложенное, сформулируем некоторые выводы и предложения.

1. Стадии осуществления преступного намерения — это последовательные этапы в едином процессе умышленной преступной деятельности

лица, характеризующие состояние этого процесса в определенные моменты его развития. Таких стадий две: 1) стадия умышленного создания условий для исполнения преступления и 2) стадия исполнения преступления. Характерной особенностью процесса осуществления преступного намерения является начальный момент его проявления в объективной действительности: либо на стадии умышленного создания условий для исполнения преступления, либо, минуя ее, на стадии исполнения преступления (так, например, внезапно возникший умысел может полностью исключить этап приготовления к преступлению).

2. Уголовно-правовое значение стадий осуществления преступного намерения можно рассматривать в двух аспектах: с позиции юридической оценки деяния, совершенного виновным лицом, и с позиции удержания граждан от преступлений в результате превентивного влияния органов уголовной юстиции, регламентация деятельности которых опирается на уголовно-правовые запреты посредством определения грани дозволенного и запрещенного законом.

3. Стадии осуществления преступного намерения имеют уголовно-правовое значение для квалификации умышленного преступления, с точки зрения окончено оно либо нет, и если не окончено, то на какой стадии было прервано — приготовительных действий или исполнения объективной стороны состава преступления.

4. В случае доведения преступления до конца стадии осуществления преступного намерения не утрачивают своего уголовно-правового значения, оказывая влияние на квалификацию, и, следовательно, имеют не только теоретическое, но и практическое значение.

5. Приготовление и покушение являются видами неоконченного преступления, их конструктивным признаком выступает недоведение преступного посягательства до конца по причинам, не зависящим от воли лица. В силу этого добровольный отказ от приготовления к преступлению и покушения на преступление невозможен.

6. Добровольный отказ всегда возможен на стадии создания условий для исполнения преступления. На стадии исполнения преступлений этот вопрос решается не столь однозначно.

7. При анализе возможности добровольного отказа на стадии исполнения преступления, с учетом существующей в науке дискуссии о возможности добровольного отказа на стадии оконченного покушения, в стадии исполнения преступления можно выделить две фазы: оконченного и неоконченного исполнения преступления, которые в статике соответствуют неоконченному и оконченному покушению (естественно, за исключением признака прерванности деяния по обстоятельствам, не зависящим от воли лица).

8. Для разграничения выделенных фаз можно исходить из представлений лица о том, все ли им сделано для наступления преступного результата. На этом основании фазой оконченного исполнения преступления можно считать такой момент в процессе развития преступной деятельности, когда лицо считает, что им совершены все действия (бездействие), необходимые для наступления преступного результата, но данный результат еще не наступил; фазой неоконченного исполнения преступления — этап, когда, по мнению лица, совершены еще не все действия (бездействие), необходимые для наступления преступного результата.

9. В фазе неоконченного исполнения преступления добровольный отказ возможен всегда. В фазе оконченого исполнения преступления добровольный отказ возможен, но не во всех случаях.

10. Возможность добровольного отказа полностью исключается в момент наступления общественно опасных последствий.

Таким образом, установление стадий осуществления преступного намерения имеет важное теоретическое и практическое значение, позволяя отграничить виды неоконченного преступления и преступление оконченого, выявить наличие добровольного отказа (других обстоятельств, исключающих преступность деяния) и, следовательно, правильно квалифицировать содеянное.

Библиографический список

1. *Бойцов А. И.* Преступления против собственности. СПб., 2002.
2. *Горегляд О.* Опыт начертания российского уголовного права. СПб., 1815.
3. *Гринь М. В.* Неоконченное преступление : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003.
4. *Гринь М. В.* Неоконченное преступление. Краснодар, 2005.
5. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1955.
6. *Дурманов Н. Д.* Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву. М., 1955.
7. *Козлов А. П.* Неоконченное преступление : учеб. пособие. Красноярск, 1999.
8. *Колодкин Л. М.* Развитие законодательства об ответственности за неоконченное преступление // Проблемы реформы уголовного законодательства РФ. М., 1992.
9. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / отв. ред. и рук. авт. кол. А. Ю. Шумилов. М., 1997.
10. Курс уголовного права : общая часть : учеб. для вузов / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М., 2002. Т. 1 : Учение о преступлении.
11. *Малинин В. Б.* Причинная связь и проблемы Общей части уголовного права. СПб., 1999.
12. *Милюков С. Ф.* Российское уголовное законодательство : опыт критического анализа. СПб., 2000.
13. *Назаренко Г. В.* Русское уголовное право : общая часть : курс лекций. М., 2000.
14. *Назаренко Г. В., Ситникова А. И.* Неоконченное преступление и его виды. М., 2003.
15. Практикум по уголовному праву : учеб. пособие / под ред. Л. Л. Кругликова. М., 1997.
16. *Редин М. П.* Осуществление преступного намерения и неоконченного преступления // Правоведение. 1999. № 1.
17. *Редин М. П.* Преступления по степени их завершенности в российском праве (понятие, система преступлений, ответственность, концепция совершенствования законодательства) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005.
18. *Редин М. П.* Разграничение приготовления к преступлению и покушения на него // Следователь. 1999. № 1.
19. Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам. М., 2008.
20. *Ситникова А. И.* Приготовление к преступлению и покушение на преступление. М., 2006.
21. Уголовный закон : опыт теоретического моделирования / под ред. В. Н. Кудрявцева, С. Г. Келиной. М., 1987.
22. Уголовный закон и преступление / под ред. Э. С. Тенчова. Иваново, 1997.
23. Уголовное право России : общая часть / под ред. А. И. Рарога. М., 2008.
24. *Чельцов М. А.* Спорные вопросы учения о преступлении // Социалистическая законность. 1947. № 4.
25. Энциклопедия уголовного права. СПб., 2006. Т. 5 : Неоконченное преступление.

ПРАВОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ЛИБЕРТАРНОЙ КОНЦЕПЦИИ ФОРМАЛЬНОГО РАВЕНСТВА

Сегодня модно говорить о правах человека, оценивать власть с позиций их обеспечения, прогнозировать развитие демократии в стране и рассуждать о ее критериях, среди которых называется и «реальная степень свободы в рамках права» [9, с. 333]. Вместе с тем, говоря о свободе, демократии, правовом государстве и правах человека, исследователи права оставляют вне поля зрения самого человека в его онтологическом смысле. Очевидно, поэтому высказываются настоятельные рекомендации поразмышлять над темой «личной самоидентификации наряду с идентификацией групповой», что обусловлено сегодня как «новым истолкованием всего комплекса прав и свобод человека и гражданина», так и своеобразием «переживаемой исторической эпохи» [8, с. 75].

Термин «идентичность» (от лат. *identicus* — тождественный, одинаковый) широко стал использоваться в социальных и гуманитарных науках во второй половине XX в., прежде всего в социологии. Постепенно он вошел в категориальный аппарат многих гуманитарных наук и «в настоящее время превратился в междисциплинарную научную категорию» [30, с. 6]. Каждая дисциплина, как правило, предлагает собственное понятие идентичности, обусловленное предметом, целями и задачами научного исследования. В результате мы не имеем некой интегрированной или «конечной» модели этого понятия. Как пишет И. Н. Тимофеев, «скорее мы можем говорить о конкурирующих концепциях этого понятия, в рамках которых выделяются и актуализируются те или иные кластеры, характеристики изучаемого феномена» [29, с. 106].

В юридической науке также появились работы, в которых используется категория идентичности, чаще как общеизвестный термин, не требующий дефиниции, реже — при рассмотрении конкретного вида идентичности [1, 6, 12—14, 24, 30], для характеристики какого-либо правового явления [11, 16, 17, 32]. Представляется, что в настоящее время назрела настоятельная необходимость разработки теории идентичности применительно к праву. Право как сложное социальное явление, с которым «имеет дело в своей жизни каждый человек» [28, с. 196], не может не быть объектом идентификации. На это ученые уже обращают внимание (В. Г. Графский, В. И. Крусс, С. В. Поленина и др.). Однако в теории права, философии права и социологии права остается неразработанной категория правовой идентичности применительно к субъекту права. Понятие правовой идентичности, на наш взгляд, является не просто данью моде; оно позволит выделить новые аспекты теории правового статуса личности, способы его обеспечения, включая самореализацию личности.

Важным для рассмотрения проблемы правовой идентичности личности представляется подход к правопониманию как методологической основе исследования. Понимание права, то или иное представление о его сущности могут оказать заметное влияние на отношение к праву как объекту идентификации личности. Аксиология права в трактовке разных концепций право-

понимания также существенно влияет на содержание правовой идентичности личности. Немаловажным является и вопрос о «конституировании» субъекта идентичности, отборе критериев этого «конституирования», а также универсальности объекта идентификации.

В современной юридической науке признается и множественность типов правопонимания, и значение наиболее распространенных концепций естественно-правового и позитивного правопонимания. При рассмотрении проблемы правовой идентичности личности мы будем обращаться к их основным положениям, а также к положениям либертарной концепции, которая, по мнению ее разработчика В. С. Нерсисянца, «позволяет в русле юридического правопонимания учесть рациональные моменты и достижения как естественно-правовой, так и юридико-позитивистской мысли и в то же время преодолеть присущие им недостатки» [23, с. 58].

Общеизвестен в последние полтора десятилетия интерес российских ученых-юристов к теории естественного права, особенно в связи с закреплением ее принципов в действующей российской Конституции. Независимо от подходов и направлений оно воспринимается в аспекте естественных прав человека, естественного закона, который «стоит выше сущего и реального опыта», а сущность права определяется как совокупность «принципов порядка, которые говорят нам, каким образом возможно мирное сожителство людей и человеческих объединений» [21, с. 100, 114]. В основе естественного права, правопорядка, в зависимости от направлений концепции, рассматривается естественная природа вещей и самого человека (Ж.-Ж. Руссо), универсальная идея (И. Кант), универсальный (космический) порядок (Р. Марчич). «При этом естественное право <...> понимается как уже по своей природе нравственное (религиозное, моральное и т. д.) явление и исходно наделяется соответствующей абсолютной ценностью» [23, с. 54]. Поэтому и к человеку (субъекту правовой идентичности), который «рождается свободным» [25, с. 198], в процессе общения с правом (правовой идентификации) предъявляется требование быть существом, как минимум, нравственным, чтобы постичь суть права, под которым понимаются прежде всего естественные права человека.

Критерием нравственности в европейской традиции было и остается христианство. Современный знаток рассматриваемой теории Г. В. Мальцев отмечает, что естественное право «до настоящих дней прочно удерживает на себе очевидный отпечаток христианско-теологического мировоззрения, его стиля мышления и методов решения социальных вопросов» [21, с. 35]. Тем самым уже снимается вопрос об универсальности данной концепции, поскольку в мире существуют и иные вероучения. В связи с этим заслуживает внимания работа С. В. Полениной с обстоятельным анализом проблемы аксиологии естественных прав в культурно-национальной идентичности в условиях глобализации, в которой, в частности, отмечается, что «исламские представления о свободе, равенстве и справедливости во многом не совпадают с европейским их пониманием. Это касается не только общих категорий, но конкретных прав и свобод человека» [24, с. 38]. Об этом же предупреждает Р. Г. Вагизов [4, с. 73], ссылаясь на мусульманских юристов, например на работу Абдуллахи Ахмед Ан-Наима.

Очевидно, по данной причине, по словам А. Н. Цуканова, «позицию отказа от присоединения к основополагающим документам о правах человека занимает примерно половина государств — членов Организации исламской конференции». В связи с этим он предлагает: «Возможно, настало время с позиций

общей теории права и государства, науки конституционного права попытаться выявить основные принципы различных региональных концепций прав человека. Это позволило бы систематизировать разнообразные концептуальные оценки прав человека, не копировать слепо западные традиции, выработать российскую стратегию глобализации в сфере прав человека» [31, с. 129].

Не следует забывать, что мораль, нравственные и этические ценности сами по себе являются объектами идентификации, поэтому, если исходить из естественно-правовой трактовки права, человеку будет трудно в процессе множественных идентификаций отграничить моральные и правовые ценности и установки. Тем более он вынужден будет также нравственными и религиозными критериями оценивать позитивное право, которое далеко не всегда им отвечает. Таким образом, естественно-правовая аксиология, смешение права и морали, может дезориентировать личность и привести к правовому нигилизму.

В связи с этим хотелось бы обратить внимание на выявленную Н. В. Варламовой тенденцию в деятельности Европейского суда в защите прав, закрепленных в Конвенции 1950 г., который, «уважая разнообразие демократических обществ в странах Европы, признавая за государствами — участниками Конвенции широкие пределы усмотрения (дискреционные полномочия) в отношении того, каким образом защищать права лиц, находящихся под их юрисдикцией, твердо придерживается принципов верховенства права и прав человека, отвергая возможность их нарушения в угоду моральным или религиозным убеждениям, разделяемым значительными слоями населения» [5, с. 35].

Для сторонников позитивно-нормативного правопонимания «естественное право <...> не право в юридическом смысле, не “юридическое право”, каковым является только позитивное право» [2, с. 55], реализующее государственную волю господствующего класса (в классическом варианте позитивного правопонимания) либо «волю общества, ее общечеловеческий и классовый характер» [2, с. 80] (в современных трактовках, стремящихся преодолеть узость классического позитивизма). Общечеловеческий характер выражается в рассмотрении естественного и позитивного права «как единства души и материализованного воплощения права» [2, с. 21]. Такой подход не нов. Еще И. А. Ильин рассматривал естественное право как моральную основу права «положительного».

С позиции юридического позитивизма право — это закон и иные властные установления государственных органов. А значит, только они могут быть объектом идентификации. Однако известно, что закон и иные государственно-властные акты — довольно распространенная, но далеко не единственная форма правового регулирования. В условиях полиэтничной страны мы не можем игнорировать тот факт, что многие народы сохраняют не только язык, духовную культуру, традиционный образ жизни, но и этнический правовой обычай, который, «являясь порождением самого этнического сообщества <...> имеет характер объективно приспособленного к потребностям данного сообщества правового регулятора, одновременно отделяет, индивидуализирует соответствующую группу от остального населения» [15, с. 397]. Таким образом, правовой обычай, который сохранился в России (и в современных условиях культивируется у так называемых малочисленных народов), в дискурсе правовой идентичности несет двойную нагрузку — объекта идентификации личности и средства идентификации и консолидации сообщества. В связи с этим тезис о том, что только позитивное право является «мерой свободы поведения граждан», даже если оно «неразрывно связано с

естественными законами как неотчуждаемыми и прирожденными правами человека» [2, с. 154], не соответствует действительному положению: люди не испытывают дискомфорта из-за неиспользования закона, но при этом и не нарушают государственные установления, и не могут быть принуждены к их исполнению. Тем более что Конституция РФ, помимо учреждения основных прав и свобод как неотчуждаемых и принадлежащих каждому от рождения (ст. 17), установила также, что перечисление в ней «основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина» (ч. 1 ст. 55). Поскольку Конституция не раскрывает категории «общепризнанные», вольно толковать ее не только в рамках европейской правовой традиции, которая не универсальна, но и в правовых традициях иных сообществ (ближневосточных, азиатских, южноамериканских и пр.), тем самым признавая, что объект идентификации гораздо шире установленных государством норм, пусть и основанных на выявленной воле общества, ее не только классовом, но и общечеловеческом характере.

Учитывая очевидное и несмотря на утверждения, что «право данного общества может быть **только одно**; оно *едино и однотипно* с государством», сторонники непротивопоставления (отождествления) права и закона вынуждены признать, что «право и закон не одно и то же» [2, с. 75, 97]. Как справедливо замечает В. М. Сырых, критикуя позитивно-нормативное правопонимание с позиций материалистической диалектики, «М. И. Байтину, О. Э. Лейсту не удалось разрешить основную антиномию юридического позитивизма, выражающуюся в сведении права к закону, иным властным установлениям государственных органов и в одновременном признании возможности существования права вне закона». Отрицая существование права вне закона в общем и целом, юридический позитивизм вынужден признать независимое от закона существование права» [27, с. 33].

В качестве выхода из сложившейся ситуации М. И. Байтин предлагает разработанную им концепцию «единства и взаимопроникновения естественного и позитивного права», согласно которой *«общеправовые принципы можно подразделить на морально-этические, или нравственные, и организационные»*. При этом *«морально-этические (нравственные) принципы современного российского права составляют естественные законы, символизирующие основные фундаментальные права человека и гражданина»*. Но, следуя логике позитивизма, он акцентирует внимание на том, что они закреплены во Всеобщей декларации прав человека и развивающих ее последующих международных и внутригосударственных документах, в том числе Конституции РФ от 12 декабря 1993 г. [2, с. 150, 151]. Однако, как отмечалось выше, универсальность этих принципов ставится под сомнение с учетом многоконфессиональности как современного мира, так и России.

Таким образом, юридический позитивизм неоправданно ограничивает объект идентификации позитивным правом, которое может быть и «орудием порабощения и произвола», «средством угнетения», «узаконением тирании и бесправия» [20, с. 275]. Право не может быть опасным для человека, иначе оно перестает быть объектом идентификации личности. Меры государственного воздействия, включая принуждение, толкают личность к правовому конформизму, а равно к протесту, правовому нигилизму, но не к правовой идентичности. Сам же субъект правовой идентичности как субъект позитивного права может быть активен только в рамках законодательно закрепленных, исходящих от государства правовых норм, а потому не может быть сво-

боден как в выборе объекта правовой идентичности, так и в притязаниях на формальное равенство как принцип права, свободы и справедливости, поскольку он ограничивается только равенством перед законом. Причем «формально (конституционно) закрепленное равенство всех граждан без исключения перед законом» рассматривается как «единственно возможный и реально существующий вид равенства» [2, с. 153].

В дискурсе правовой идентичности личности представляются заслуживающими внимания и использования в качестве методологической основы исследования предлагаемые юридино-либертарной концепцией В. С. Нерсесянца подходы к пониманию права, его сущности и ценности. Тем более что, несмотря на критику юридино-либертарной концепции правопонимания, ее положения начинают применяться при исследовании конкретных правовых явлений, правда, без ссылок на ее разработчиков [10].

В. С. Нерсесянц, прежде чем говорить об онтологии, аксиологии и гносеологии права, поднимает вопрос о свойствах человеческого бытия, генезисе права и правовой природе человека. К числу фундаментальных свойств он относит способность человека «по своей разумной природе» жить и действовать, пусть и ошибаясь, «в определенном образом осознаваемом (и “пропущенном” через сознание) и осмысленном мире». «Человеческий способ бытия включает в себя уразумение, осмысление, понимание этого бытия, себя и всего остального мира, себя в мире и мира в себе». При этом подчеркивается, что «так же в принципе обстоит дело во взаимоотношениях человека с миром права» [23, с. 7—8].

Объектом правовой идентичности в либертарном правопонимании выступает право как формальное равенство, «как всеобщая и необходимая форма бытия, выражения и осуществления свободы в совместной жизни людей» [23, с. 17], т. е. право имеет универсальный характер.

Опираясь на трактовки В. С. Нерсесянцем генезиса права и правовой природы человека, можно говорить, перефразируя Э. Эриксона, о непрерывной правовой самоидентичности личности, для которой «определяющее значение имеет осознание как раз того обстоятельства, что в абстракциях права за внешней условностью речь идет о самом главном и существенном в жизни индивида и всего социума — о свободе, справедливости, равенстве, что правовые условности — это на самом деле абсолютно необходимые условия достойной человека жизни всех и каждого» [23, с. 42].

При этом в либертарной теории формального равенства субъекты права — свободные, независимые друг от друга, формально равные личности, способные к свободной реализации своей воли. Личность как субъект идентификации имеет «предельно абстрактный характер» субъекта права [18, с. 242]; вместе с тем в ней, «как в некоем олицетворении индивидуального существования, находит воплощение полнота духовной составляющей человеческой жизни, которая включает в себя жизнь духовную, — жизни по законам истины, добра и красоты — во всей их полноте и применимости к данному индивиду как человеку и гражданину» [8, с. 87].

Право должно стать не оковами, но средством самореализации личности. Личности как абсолютно абстрактному субъекту права со стороны права как формального равенства не предъявляются никакие требования. Праву как формальному равенству это безразлично. Но личности небезразлично формальное право как «правоспособность, абстрактная свободная возможность приобрести — в согласии с общим масштабом и равной мерой правовой ре-

гуляции — свое, индивидуально-определенное право» [23, с. 35]. В процессе правовой идентификации формальное право осознается как равенство стартовых возможностей в правопритязаниях, понимаемое как равенство в свободе и справедливости.

Правовая идентичность личности может включать правовой идеал (идею, представление о праве, его сущности и возможностях), знания о сложившейся правовой системе, ее оценку, правовую деятельность, правовую рефлексию.

Правовой идеал личности в контексте либертарной концепции базируется на понимании права как формального равенства, всеобщей и необходимой формы свободы людей в общественных отношениях и всеобщей справедливости [там же]. В этом случае сфера равенства между людьми приобретает всеобщий характер «только тогда, когда мы абстрагируемся от всех физических и социальных характеристик человека и рассматриваем его просто как человека, т. е. существо, наделенное (в силу своей разумности) свободной волей» [19, с. 134]. В. С. Нерсисянц разъясняет, что «право как форма отношений по принципу равенства, конечно, не уничтожает (и не может уничтожить) исходных различий между разными индивидами, но лишь формализует и упорядочивает эти различия по единому основанию». В чем он и видит «ценность правовой формы опосредования, регуляции и упорядочения общественных отношений» [23, с. 20].

Реализуя свободную волю в процессе жизни, каждый человек формирует собственное представление об идеалах добра и справедливости. Важнейшей идеальной ценностью для него являются его представления о личной свободе, ее пределах и принимаемых ограничениях. В этой связи интересно высказывание В. Г. Графского, сделанное по поводу поиска современных подходов к изучению прав личности, о том, что «личность в ее правопритязаниях на достойное человека существование воплощает некое идеальное требование, имеющее свою динамику и уровень, с которыми должны считаться при конструировании всех уже известных стандартов прав человека и прав гражданина». «С этой позиции, — продолжает он, — право и государство есть лишь некоторая система служебных средств и гарантий, которые могут использоваться в интересах становления и развития личности во всей полноте ее призвания к осуществлению духовной, физической и умственной составляющей человеческой жизни» [8, с. 87].

Имея идеальное представление о праве, человек не может не сравнивать его с правовой системой страны своего проживания. Безусловно, она подвергается оценке и может восприниматься как полностью, так и частично. И правовое поведение индивида во многом будет зависеть от того, насколько его идеальные правопритязания совпадают с реальностью: его собственным правовым положением и достигнутыми с помощью права результатами.

Как писал В. С. Нерсисянц, человек по своей интеллектуальной и волевой природе, «в отличие от других живых существ, может, потенциально способен путем своего совершенствования и развития прийти к <...> правовым формам организации социальной жизни» [23, с. 40—41]. Говоря о праве как некой вершине интеллектуально-волевого развития человека и человечества («культурный феномен»), он отмечал, что «исторический процесс генезиса права, его бытия и существования, протекает в контексте общекультурного формирования и развития человека и человеческого рода» [23, с. 43]. Но ведь и освоение права конкретной личностью происходит в этом же контексте.

сте. Важными для уяснения сути правовой идентичности личности представляются размышления В. Г. Графского о термине «права личности», который, по его мнению, «символизирует более широкий спектр правоприязаний и гарантий, поскольку он более тесно взаимосвязан с моралью, нравственностью и более возвышенным набором так называемых социальных ценностей, которые подлежат уникальному и плодотворному индивидуальному освоению и употреблению» [8, с. 87].

В приведенной цитате содержатся два важнейших компонента идентичности — познавательный (освоение) и деятельностный (употребление). «В современной социологии идентичность понимается как характеристика индивида с точки зрения его принадлежности к какой-либо социальной общности, группе» [26, с. 165]. При этом человек не просто осознает себя частью этой общности, но разделяет культивируемые ею ценности и готов действовать в соответствии с этими знаниями и оценками. Таким образом, социальная идентичность предполагает познавательный, оценочный и поведенческий компоненты, которые вполне могут быть перенесены (и уже переносятся) в правовую сферу.

Правовая идентичность личности может рассматриваться как совокупность юридически значимых признаков (правовое сознание, правовая психология, правовое поведение «небезразличны по отношению к праву» [3, с. 34], поэтому являются юридически значимыми), характеризующих субъект права и определяющих его тождественность самому себе в процессе развития. Причем тождество в теории идентичности не предполагает полного, абсолютного совпадения явления с самим собой в каждый конкретный момент, но позволяет определять себя как отличного от других.

Важным компонентом идентичности является рефлексия (от лат. *reflexio* — отражение) как размышление, порой противоречивое и полное сомнений, по поводу права и его роли в жизни человека. В этой связи трудно не согласиться с В. С. Нерсесянцем, когда он, размышляя о роли права в истории человечества, пишет о том, что «людям и народам, возжелавшим вкушать такой редкий плод, надо в трудах и муках, упорно и настойчиво, осознанно и терпеливо возделывать в себе, для себя и у себя свой сад правовой культуры, растить свое дерево свободы. Чужими плодами здесь сыт не будешь» [23, с. 43].

О выстраданности человеком права, необходимости волевых усилий по его освоению и усвоению, опираясь на позицию С. А. Муромцева, пишет Л. С. Мамут: «Не наделяют субъекта правами некие сверхприродные, надмировые начала. Не “впечатывает” их автоматически в натуру субъекта совокупность общественных отношений, не “впечатывает” независимо от его воли, от его сознания и действий. Наконец, не получает он их по генетической линии, находясь в преднатальном состоянии, от своих родителей» [22, с. 27].

Усвоение, освоение права как формального равенства не может происходить одномоментно, в том числе с принятием новой Конституции, закрепляющей формальное равенство как принцип права, как гарантию юридического равенства (недискриминации) и как способ обеспечения прав, свобод и законных интересов личности. Замечания оппонентов концепции В. С. Нерсесянца о том, что конкретный анализ действующего законодательства подрывает всю его юридико-либертарную теорию [27, с. 49], представляются несостоятельными в дискурсе правовой идентичности личности, поскольку сам В. С. Нерсесянец указывал в качестве аксиомы, что «человек и человечество

развиваются к свободе, праву, равенству, справедливости из ситуации их отсутствия» [23, с. 40]. Как один из способов достижения правовых форм организации социальной жизни современного российского общества, вышедшего из социализма, он предлагает цивилизм (цивилитарное право).

Правовая идентичность личности — явление историческое. Она должна рассматриваться в конкретных экономических, политических, социальных и иных условиях, в том числе с учетом характера взаимоотношений общества и государства. Как справедливо замечает С. С. Мамут, «необходимо дополнительно выявить, в какой конкретно стихии рождается право и при каких конкретно обстоятельствах оно дается субъекту, начинает принадлежать ему» [22, с. 27].

Для понимания особенностей формирования правовой идентичности личности в постсоциалистический период, переживаемый Россией, важным представляется использование концепции цивилитарного права В. С. Нерсесянца, который исходит из того, что «реальный социализм (со всеми его позитивными и негативными свойствами) должен быть понят **в своей необходимости**, а не как нечто случайное — в виде продукта теоретической “ошибки”, удачного “заговора”, произвола, людского легковерия, заблуждения и т. д.» [23, с. 329]. Признание исторической обусловленности социализма в контексте проблемы правовой идентичности личности позволяет лучше понять переживаемый нашей страной, людьми, обществом, государством период как время постепенного перехода, по словам В. С. Нерсесянца, от бесправия к праву. Трудно отрицать, что многие ценности, культивируемые в советское время, с одной стороны, утратили свое значение, а с другой — перестали поддерживаться государством. Особенно это коснулось социальной сферы и тех, кто нуждается в особой защите со стороны государства, прежде всего пожилых людей. Они наиболее остро переживают правовые трансформации, поскольку их правовая идентичность формировалась в иных взаимоотношениях общества и власти, в рамках «патерналистской модели», когда «общество выступало (и рассматривало себя) именно как объект социального процесса, воспринимая власть как субъект», тогда как сейчас «определяющей чертой гражданской социальной конфигурации является особый способ взаимоотношений общества и власти, при котором *общество* становится *субъектом* политического процесса, а *власть* становится *инструментом* для реализации общественного интереса» [7, с. 45].

Признание исторической обусловленности социализма вместе с тем позволяет лицам, сохраняющим верность правовым идеалам прошедшей эпохи, не чувствовать себя ограниченными, в чем-то даже ущербными. Закрепленная в Конституции идеология формального равенства рассматривается В. С. Нерсесянцем как «значительное достижение» на трудном пути «к правовому будущему». Значительное, но не единственное, как пытаются показать противники концепции формального равенства и на этом основании заявляют, что, несмотря на то, «что конституционная реформа осуществлялась если не в соответствии с юридикто-либертарной теорией и цивилитарной концепцией, то с учетом ее многих пожеланий и рецептов», «ожидаемого торжества права и свободы не произошло» [27, с. 49]. Однако ни автор названной концепции, ни ее сторонники никогда не говорили о достаточности только конституционного закрепления формального равенства, но подчеркивали, что понимание сущности права как формального равенства, его освоение — это «движение» человека и человечества к свободе, праву, справедливости, равенству.

Таким образом, юрико-либертарное правопонимание не только позволяет выстраивать теорию правовой идентичности, но может рассматриваться как основа для формирования плодотворной, непротиворечивой правовой идентичности личности, обеспечивающей ей гармоничное, неконфликтное правовое общение с другими людьми, обществом, государством.

Библиографический список

1. *Аврутин Ю. Е.* Перспективы развития административного права в контексте конституционной самоидентификации современной России // Журн. российского права. 2008. № 5.
2. *Байтин М. И.* Сущность права : (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). 2-е изд., доп. М.: Право и государство, 2005.
3. *Вавилин Е. В.* Проблемы осуществления субъективных гражданских прав в современной России // Государство и право. 2008. № 2.
4. *Вагизов Р. Г.* Концепция прав человека в международно-правовой доктрине // Российская юстиция. 2007. № 11.
5. *Варламова Н. В.* Глобализация социального порядка и перспективы государственности // Право и права человека в условиях глобализации : (материалы науч. конф.). М. : ИГП РАН, 2005.
6. *Глебов И. Н., Чешивили М. В.* Глобализация и конституционная идентичность России // Вестн. Московского университета МВД России. 2004. № 4.
7. *Глинчикова А. Г.* Модернити и Россия // Вопр. философии. 2007. № 6.
8. *Графский В. Г.* Права личности: необходимо новое толкование известной философско-правовой формулы // Права человека и современное государственно-правовое развитие / отв. ред. А. Г. Светланов. М. : ИГП РАН, 2007.
9. *Зорькин В. Д.* Конституция в XXI веке : взгляд с Ильинки. М. : Норма, 2007.
10. *Зорькин В. Д.* Ценностный подход в конституционном регулировании прав и свобод // Журн. российского права. 2008. № 12.
11. *Ивашевский С. Л.* Идеальная сущность права: постановка проблемы // Там же. 2007. № 1.
12. *Исаева Н. В.* Права человека в дискурсе правовой идентичности: к постановке проблемы // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 2.
13. *Исаева Н. В.* Правовая идентичность как метод исследования и способ формирования общероссийской идентичности: к постановке проблемы // Проблемы формирования общероссийской идентичности: русскость и российскость : материалы Междунар. науч. конф., Иваново — Плес, 15—16 мая 2008 г. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2008.
14. *Исаева Н. В.* Федерализм и идентичность: вопросы теории и законодательные решения в ходе федерализации России : (конституционно-правовой аспект) // Науч. тр. / Российская академия юридических наук. М. : Юрист, 2008. Вып. 8 : в 3 т. : т. 1.
15. *Кочетыгова Н. И.* Правовой обычай среди источников права в условиях глобализации: этнический правовой обычай в России и законодательные возможности его применения // Правовая система России в условиях глобализации и региональной интеграции : теория и практика. М. : РАН, 2006.
16. *Крусс В. И.* Российская конституционная аксиология: актуальность и перспективы // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 2.
17. *Крусс В. И.* Теория конституционного правоупотребления. М. : Норма, 2007.
18. *Лапаева В. В.* Персоналистский подход к правопониманию как актуальная задача российской юриспруденции // Право и общество в эпоху перемен : материалы философско-правовых чтений памяти академика В. С. Нерсисянца. М. : ИГП РАН, 2008.

19. *Лапаева В. В.* Содержание формального принципа правового равенства // Права человека и современное государственно-правовое развитие.
20. *Лейст О. Э.* Сущность права. Проблемы теории и философии права. М. : Зерцало, 2002.
21. *Мальцев Г. В.* Понимание права. Подходы и проблемы. М. : Прометей, 1999.
22. *Мамут Л. С.* Права приобретаются // Право и права человека в условиях глобализации.
23. *Нерсесянц В. С.* Философия права : учеб. для вузов. М. : ИНФРА—М : Норма, 1997.
24. *Поленина С. В.* Проблема национально-культурной идентичности в свете взаимодействия правовых систем современности // Государство и право. 2008. № 1.
25. *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М. : Канон-Пресс : Кучково поле, 1998.
26. *Рябова Т. Б.* Рекрутирование гендерной идентичности в современной российской политической риторике // Новые направления политической науки : гендерная политология. Институциональная политология. Политическая экономия. Социальная политика / редкол. : С. Г. Айвазова (отв. ред.), С. В. Патрушев (отв. ред.) и др. М. : РАПН : РОССПЭН, 2007.
27. *Сырых В. М.* Логические основания общей теории права. М. : РАП, 2007. Т. 3 : Современное правопонимание.
28. Теория государства и права : учеб. / под ред. В. К. Бабаева. М. : Юрист, 1999.
29. *Тимофеев И. Н.* Политическая идентичность в России в постсоветский период: альтернативы и тенденции // Демократия и федерализм в России / редкол. : Ю. А. Красин (отв. ред.), М. Х. Фарукшин (отв. ред.) и др. М. : РАПН : РОССПЭН, 2007.
30. *Хабибулин А. Г., Рахимов Р. А.* Государственная идентичность как элемент правового статуса личности // Государство и право. 2000. № 5.
31. *Цуканов А. Н.* О фундаментальных концепциях прав человека // Право и права человека в условиях глобализации.
32. *Шугуров М. В.* Правовая субъектность и инверсии современной культуры // Обществ. науки и современность. 2005. № 1.

ББК 67.400

А. А. Павлов

ГОЛОСОВАНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ ИЗМЕНЕНИЯ ГРАНИЦ И ПРЕОБРАЗОВАНИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Со вступлением в силу Федерального закона от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [8] (далее — Федеральный закон № 131-ФЗ) населению была предоставлена такая новая форма непосредственного осуществления местного самоуправления и участия населения в осуществлении местного самоуправления, как голосование населения по вопросу преобразования муниципального образования и изменения границ муниципального образования. Три статьи Федерального закона № 131-ФЗ (12, 13, 24) устанавливают нормы о

© Павлов А. А., 2009

голосовании населения, при этом нормы, указанные в ст. 12—13, являются отсылочными, а нормы, установленные в ст. 24, — бланкетными. Федеральный законодатель устранился от подробной регламентации проведения голосования населения, полагая, видимо, что указанные нормы ясны и определены. Однако законодательство субъектов Российской Федерации и практика муниципальных образований по проведению голосования населения в связи с вопросом изменения границ и преобразования муниципальных образований выявили множество актуальных проблем регулирования и применения данного института, пробелы и коллизии. К сожалению, научная литература, отмечая новую форму участия населения в осуществлении местного самоуправления, не акцентирует особое внимание на пробелах и коллизиях ее реализации [2, 3, 4].

Как известно, Конституцией Российской Федерации установлено, что изменение границ территорий, в которых осуществляется местное самоуправление, допускается с учетом мнения населения соответствующих территорий (ч. 2 ст. 131). В Федеральном законе № 131-ФЗ в редакции 1995 г. воспроизводилась лишь конституционная формулировка. Законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов Российской Федерации должны были установить в законах субъектов Российской Федерации гарантии учета мнения населения при решении вопросов изменения границ территорий, в которых осуществляется местное самоуправление.

Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении по делу о проверке конституционности положений Конституции Удмуртской Республики [10] установил, что «наиболее адекватной формой учета мнения населения, по смыслу статьи 130 (часть 2) Конституции Российской Федерации, является референдум». В новом Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» сделана попытка установить более подробные нормы, содержащие правовые гарантии учета мнения населения при изменении границ муниципального образования, преобразования муниципального образования, в том числе произошел некоторый отход от позиции Конституционного Суда Российской Федерации. К формам учета мнения населения федеральный законодатель отнес следующие:

- 1) голосование населения;
- 2) сход;
- 3) согласие населения поселений и городских округов, выраженное представительными органами муниципальных образований;
- 4) выражение представительным органом соответствующих муниципальных образований мнения населения.

Голосование населения является наиболее адекватным способом отражения мнения населения по вопросам изменения границ и преобразования муниципальных образований.

Ст. 12—13 и 24 Федерального закона № 131-ФЗ по вопросу установления порядка проведения голосования населения отсылают к федеральному закону и законам субъектов Российской Федерации, регламентирующих порядок инициирования и проведения местных референдумов.

Федеральным законом, устанавливающим порядок проведения местных референдумов, является Федеральный закон от 12.06.2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [9] (далее — Федеральный закон № 67-ФЗ). Федеральный законодатель, регламентируя отношения в сфере проведения

местного референдума, установил определенные ограничения. К ним относятся, в частности, ограничения по вопросу, выносимому на местный референдум, ограничения по агитации.

Внешнее сходство института голосования по вопросу изменения границ и преобразования муниципальных образований тем не менее не позволяют говорить о полном сходстве этого института с институтом местного референдума. Более того, в Федеральном законе № 131-ФЗ содержатся такие требования, которые при детальном анализе приводят к выводу о необходимости регулировать вопросы порядка выдвижения инициативы и проведения голосования по проблемам изменения границ и преобразования муниципальных образований специальными законами субъектов Российской Федерации. Однако на практике подобное законодательное регулирование сталкивается со значительным числом системных противоречий.

В соответствии с ч. 3 ст. 12 Федерального закона № 67-ФЗ на местный референдум могут быть вынесены только вопросы местного значения. Вопрос изменения границ и преобразования муниципального образования является предметом ведения субъекта Российской Федерации. Следовательно, вопросом местного значения является выявление мнения населения.

Как отмечает А. Н. Дементьев, «в избранной законодателем системе разграничения вопросов, которые могут быть разрешены при непосредственном волеизъявлении граждан, применение института местного референдума для выявления мнения населения по вопросу изменения границ и преобразования муниципального образования невозможно... Поэтому введение федеральным законодателем нового института непосредственной демократии — института голосования по вопросам изменения границ и преобразования муниципального образования — обоснованно» [1, с. 32].

В связи с тем, что Конституция Российской Федерации устанавливает требование лишь о необходимости учета мнения населения при изменении территориальных границ муниципальных образований, учитывая запрет проведения местных референдумов по вопросам аналогичного содержания, в Федеральном законе от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ сделаны соответствующие отсылки к порядку проведения местного референдума с закреплением условия получения согласия населения по поводу изменения границ и преобразования муниципальных образований.

Федеральным законом субъектам Российской Федерации предписано урегулировать порядок голосования по вопросу изменения границ и преобразования муниципальных образований в том же порядке, что установлен для проведения местного референдума, за исключениями, установленными федеральным законом.

Ст. 12, 13, 24, 39 Федерального закона № 131-ФЗ устанавливают, что голосование по вопросам изменения границ, преобразования муниципального образования проводится по инициативе населения в порядке, установленном федеральным законом, и принимаемым в соответствии с ним законом субъекта Российской Федерации для проведения местного референдума, что включает в себя необходимость законодательного регулирования законом субъекта Российской Федерации порядка подготовки (территориальная основа голосования населения, порядок выдвижения инициативы, регистрации инициативной группы, сбора и проверки подписей, открытия фонда голосования по вопросам изменения границ муниципального образования, преобразования муниципального образования) и порядка проведения

голосования (порядка организации информирования населения о ходе голосования по вопросам изменения границ муниципального образования, преобразования муниципального образования, включая агитацию, создания иной группы голосования, организации голосования в форме проставления знака в бюллетенях, подсчета голосов, подведения итогов голосования и установления результатов голосования по вопросам изменения границ муниципального образования, преобразования муниципального образования). Организует подготовку и проведение голосования по вопросам изменения границ муниципального образования, преобразования муниципального образования (так же как и муниципальных выборов, местного референдума) избирательная комиссия муниципального образования. В соответствии с Федеральным законом № 67-ФЗ, Регламентом Центральной избирательной комиссии Российской Федерации ЦИК России, гарантируя единообразное применение федерального законодательства о выборах, референдуме и об обеспечении прав граждан на участие в голосовании по вопросам изменения границ муниципального образования, преобразования муниципального образования, осуществляет проверку деятельности нижестоящих избирательных комиссий, комиссий референдума, других участников избирательного процесса, референдума, голосования по отзыву, голосования по вопросам изменения границ муниципального образования, преобразования муниципального образования.

В Федеральном законе № 67-ФЗ установлены законоположения, на основании которых в законах субъектов Российской Федерации должны быть регламентированы соответствующие действия с учетом требований Федерального закона № 131-ФЗ и Федерального закона № 67-ФЗ к проведению местного референдума. Значительная часть требований к проведению голосования населения относится к законодательному и уставному регулированию порядка деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления. Проблемы инициирования изменения границ, преобразования муниципального образования, голосования населения затрагивают вопросы регулирования порядка принятия данных решений, вступления их в силу. Указанные требования придают голосованию населения более «административный характер».

Подготовка и проведение голосования по вопросам изменения границ и преобразования муниципального образования организуются по тем же стадиям, что и подготовка и проведение местного референдума. На каждой стадии участники указанного голосования наделены гарантиями и средствами судебной защиты.

Отличия правового регулирования голосования по вопросу изменения границ и преобразования муниципального образования обусловлены объективными обстоятельствами.

1. Различие территории округа местного референдума и округа голосования по вопросам изменения границ и преобразования муниципального образования. Округ референдума включает в себя всю территорию муниципального образования. Округ голосования по вопросу изменения границ и преобразования муниципального образования может включать в себя всю территорию муниципального образования или часть его территории, населенный пункт, при этом неясными являются нормы Федерального закона № 131-ФЗ о том, голосует ли население сразу во всем муниципальном образовании или голосование организуется по населенным пунктам отдельно.

2. Различие в основаниях назначения местного референдума и иного голосования населения. Представительный орган при решении вопроса о назначении голосования по вопросам изменения границ муниципального образования, преобразования муниципального образования должен убедиться в наличии оснований, не только установленных Федеральным законом (непротиворечие данному закону), но и оснований, предусмотренных Федеральным законом № 131-ФЗ в части допустимости изменения границ или преобразования муниципального образования.

3. Различие в размерах фондов местного референдума и голосования по вопросам изменения границ и преобразования муниципального образования. Фонд местного референдума предполагает расходы инициативной группы на всей территории муниципального образования. Расходы при проведении голосования по вопросам изменения границ и преобразования муниципального образования зависят от организационно-правовой формы муниципального образования, численности участников голосования, вида изменения границ или преобразования муниципального образования и т. д.

4. Различия в оформлении подписных листов в пользу инициативы местного референдума и голосования по вопросам изменения границ и преобразования муниципального образования. Известно, что для многих участников выборов и референдумов нарушения требований закона по оформлению и заполнению подписных листов являются основанием отказа в регистрации кандидата и инициативной группы. Поэтому отсутствие ясной законодательной нормы о форме подписного листа на голосовании по вопросам изменения границ и преобразования муниципального образования создает серьезные препятствия для реализации населением данной формы осуществления местного самоуправления.

Законы субъектов Российской Федерации предусматривают в соответствии с Федеральным законом № 67-ФЗ дополнительные гарантии по инициированию голосования по вопросам изменения границ и преобразования муниципального образования, созданию иных групп участников голосования по вопросам изменения границ и преобразования муниципального образования, информационному обеспечению, финансированию и подведению итогов голосования и результатов голосования по вопросам изменения границ и преобразования муниципального образования.

Подобные законы приняты лишь в отдельных субъектах Российской Федерации (Московская область, Коми-Пермяцкий автономный округ, Чувашская Республика). Большинство субъектов Российской Федерации проводят голосование населения на основе закона о местном референдуме, содержащего отдельные статьи или главы о голосовании населения.

Рассмотрим основные проблемы (пробелы и коллизии) законодательства, регламентирующего голосование населения по вопросу изменения границ и преобразования муниципального образования.

Одна из главных проблем, выявившаяся в ходе подготовки законопроектов субъектов Российской Федерации и практики проведения голосований населения, выразилась в неопределенности состава субъектов инициирования изменения границ и преобразования муниципального образования и различиях институтов «инициативы изменения границ и преобразования муниципального образования» и «инициативы голосования населения по вопросу изменения границ и преобразования муниципального образования». Согласно ч. 1 ст. 12 и ч. 2 ст. 13 Федерального закона № 131-ФЗ изменение границ му-

ниципального образования и преобразование муниципальных образований «осуществляется законами субъектов Российской Федерации по инициативе населения, органов местного самоуправления, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, федеральных органов государственной власти в соответствии с указанным федеральным законом. Инициатива населения о преобразовании муниципального образования реализуется в порядке, установленном федеральным законом, и принимаемым в соответствии с ним законом субъекта Российской Федерации для выдвижения инициативы проведения местного референдума» [8].

Исходя из существа возникающих в этом случае общественных отношений, с инициативой изменения границ могут выступать только представительные органы местного самоуправления из числа органов местного самоуправления. Причем отсутствие решения о выдвижении инициативы хотя бы одного представительного органа местного самоуправления из всех муниципальных образований, вовлеченных в этот процесс, делает в дальнейшем фактически нереализуемыми любые решения, принятые по результатам голосования по изменению границ во всех других муниципальных образованиях.

Для выдвижения инициативы населением и сбора подписей граждан Российской Федерации в ее поддержку образуется инициативная группа по проведению референдума. Такую инициативную группу вправе образовать гражданин или группа граждан в количественном составе не менее 10 человек, имеющих право на участие в референдуме. В соответствии со ст. 7 Закона Ивановской области от 30.04.2008 г. № 19-ОЗ «О местном референдуме» [5] выдвинуть инициативу проведения референдума может также избирательное объединение, иное общественное объединение, устав которого предусматривает участие в референдумах и которое зарегистрировано в порядке, определенном федеральным законом, на уровне муниципального образования или на более высоком уровне не позднее чем за один год до дня образования инициативной группы по проведению референдума. В этом случае руководящий орган этого избирательного объединения, иного общественного объединения либо руководящий орган его регионального отделения или иного структурного подразделения независимо от его численности выступает в качестве инициативной группы по проведению референдума. Позиция многих государственных органов, в том числе прокуратуры Ивановской области, управления Минюста РФ по Ивановской области, выразилась в том, что инициативную группу может создать только гражданин (граждане), но не органы избирательного объединения. В то же время избирательное объединение может инициировать местный референдум, а инициативной группой в данном случае является руководящий орган. Данный вопрос непосредственно не урегулирован федеральным законодательством, отсутствует судебная практика, поэтому необходимо внести уточнения в Федеральный закон № 67-ФЗ.

Законодатель, кроме того, создал неопределенность в том, где пределы инициативы изменения границ и преобразования муниципальных образований и инициативы голосования по данному вопросу. Исходя из буквального понимания норм Федерального закона № 131-ФЗ, сначала население может инициировать вопрос об изменении границ, преобразовании муниципального образования, а затем, если того требует тот же федеральный закон, инициировать голосование населения по данному вопросу. Вышеуказанные органы в своих заключениях на законопроекты «О порядке голосования по вопросам изменения границ муниципального образования, преобразования муници-

пального образования» [7], «О внесении изменений в Закон Ивановской области “О местном референдуме”» [6] полагали, что если инициатива изменения границ, преобразования муниципального образования населения выдвинута населением, то тем самым одновременно выдвигается инициатива проведения голосования населения. С такой позицией нельзя согласиться, поскольку вопросы, включенные в рассматриваемые инициативы, различаются как по формулировкам, так и по правовому режиму их реализации: в результате выдвижения инициативы изменения границ или преобразования муниципального образования должны последовать действия со стороны органов местного самоуправления по учету мнения населения (голосование населения, сход, решение представительного органа муниципального образования по выражению мнения или согласия населения). Возможно, что местная администрация и представительный орган муниципального образования, в соответствии с требованиями федерального закона, выступят с совместной инициативой проведения голосования населения. Одновременно с этим следует отметить и нецелесообразность двукратного выражения населением инициативы изменения границ и преобразования муниципального образования и инициативы проведения голосования по данному вопросу.

Следующим важным моментом федеральных законов, регламентирующих проведение голосования населения, стала терминологическая неопределенность. Во-первых, термин «голосование» используется в двух понятиях: как кампания голосования населения, длящаяся не менее двух месяцев, и как выражение воли участников местного референдума в форме проставления знака в бюллетене. Эта неопределенность вынуждает организаторов голосования населения в названии данной кампании указывать слова «местный референдум». Во-вторых, избирательные комиссии, фонды референдума, название кампании должны содержать слова «голосование населения», т. е. «комиссия голосования населения по изменению границ муниципального образования («преобразования муниципального образования»)», «фонд голосования населения» и т. д. Необходимость данных терминов вызвана тем, что голосование населения является самостоятельной формой осуществления местного самоуправления и участия населения в осуществлении местного самоуправления, и статья о голосовании населения размещается в Федеральном законе № 131-ФЗ после статей о местном референдуме и выборах.

Следующим моментом, требующим разрешения на федеральном уровне, является несовершенство института агитации по вопросам голосования населения. В соответствии с п. 7 ст. 48 Федерального закона № 67-ФЗ запрещается проводить агитацию по вопросам референдума, выпускать и распространять любые агитационные материалы федеральным органам государственной власти, органам государственной власти субъектов Российской Федерации, иным государственным органам, органам местного самоуправления, лицам, замещающим государственные или выборные муниципальные должности, государственным и муниципальным служащим. Ч. 5 ст. 24 Федерального закона № 131-ФЗ устанавливает, что положения Федерального закона № 67-ФЗ, закона субъекта Российской Федерации, запрещающие проведение агитации государственными органами, органами местного самоуправления, лицами, замещающими государственные или муниципальные должности, не применяются. Однако отмена данных запретов создала множество противоречий с иными нормами Федерального закона № 67-ФЗ. Во-первых, запреты коснулись только органов государственной власти и органов местного само-

управления в целом, но не отменен запрет относительно государственных и муниципальных служащих. Поэтому служащие, исполняя функции органов, могут отражать только решение органа, не допуская свободной аргументации от своего имени. На практике это вызывает массу сложностей по определению, где границы между полномочиями органа и полномочиями конкретного государственного и муниципального служащего. Кроме того, деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления не может осуществляться без финансового сопровождения. Однако п. 5 ст. 48 Федерального закона № 67-ФЗ устанавливает, что расходы на проведение агитации по вопросам референдума осуществляются исключительно за счет средств фондов референдума в установленном законом порядке. Следовательно, возможность органов агитировать за (или против) вопрос, выносимый на голосование населения, практически фиктивна. Лица, находящиеся на государственной или муниципальной службе, могут участвовать в агитационной кампании в случае наличия поручения (решения) соответствующего государственного органа, органа местного самоуправления, должностного лица. При этом и государственные органы, и органы местного самоуправления, и должностные лица государственных и муниципальных органов не вправе издавать правовые акты по организации проведения конкретной агитационной кампании с использованием бюджетных и иных средств, организационных ресурсов органов государственной власти и органов местного самоуправления и т. п.

На лиц, замещающих государственные и муниципальные должности, также не распространяется запрет агитировать за вопрос, выносимый на голосование населения. В данном случае можно избежать финансовых затрат на агитацию, призывая население голосовать «за» или «против» при встречах с жителями в связи с осуществлением обычной деятельности. Однако и в данном случае возникает некоторая коллизия норм федерального законодательства, заключающаяся в том, что не могут агитировать лица, замещающие государственные и муниципальные должности, работающие в избирательных комиссиях, являющихся юридическими лицами.

Нормы Федерального закона № 67-ФЗ о запрете использовать преимущества своего должностного или служебного положения в целях выдвижения и поддержки инициативы проведения референдума, получения того или иного ответа на вопрос референдума в рассматриваемой ситуации действуют, т. к. Федеральный закон № 131-ФЗ не установил подобных исключений, как это сделано относительно запрета агитировать и юридической силы решений, принятых на референдуме. Отдельные пункты указанных ниже ограничений могут не распространяться на лиц, замещающих государственные и выборные муниципальные должности, при условии, что не нарушены иные условия. Поэтому в соответствии с пп. 4 и 5 ст. 40 Федерального закона № 67-ФЗ запрет использования преимуществ должностного или служебного положения предполагает недопустимость:

— привлечения лиц, находящихся в подчинении или в иной служебной зависимости, государственных и муниципальных служащих к осуществлению в служебное (рабочее) время деятельности, способствующей выдвижению и поддержке инициативы проведения референдума, получению того или иного ответа на вопрос референдума;

— использования помещений, занимаемых государственными органами или органами местного самоуправления, для осуществления деятельности,

способствующей выдвижению и поддержке инициативы проведения референдума, получению того или иного ответа на вопрос референдума, если иным участникам референдума не будет обеспечено такое же право;

— использования телефонной, факсимильной и иных видов связи, оргтехники и информационных услуг, обеспечивающих функционирование государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений;

— использования на безвозмездной основе транспортных средств, находящихся в государственной или муниципальной собственности, собственности организаций;

— сбора подписей участников референдума, ведения агитации лицами, замещающими государственные или выборные муниципальные должности, либо находящимися на государственной или муниципальной службе, либо являющимися главами местных администраций, в ходе служебных (оплачиваемых за счет средств соответствующего бюджета средств соответствующей организации) командировок;

— доступа (обеспечения доступа) к государственным и муниципальным средствам массовой информации в целях сбора подписей участников референдума, ведения агитации по вопросам референдума, если иным кандидатам, избирательным объединениям, группам участников референдума для этих целей не будет гарантирован такой же доступ.

В том случае если с инициативой голосования населения выступили глава местной администрации и представительный орган муниципального образования, формирование иных групп участников референдума проблематично, т. к. они регистрируются после регистрации инициативной группы, которой по определению в данной ситуации нет. Поэтому запреты на использование служебных помещений, доступ к средствам массовой информации не действуют, поскольку интересы иных участников агитации в данной кампании не нарушаются и не ограничиваются.

Одним из самых сложных и, на наш взгляд, требующих дополнительного регулирования вопросов является проблема финансирования агитации по вопросу голосования населения в случае, если с инициативой выступили совместно глава местной администрации и представительный орган муниципального образования. Исходя из содержания норм Федерального закона, № 67-ФЗ, фонды референдума могут создавать только инициативная группа и иные группы участников референдума. Государственные органы и органы местного самоуправления не могут создавать фонды референдума, поэтому они не могут тратить деньги на агитацию по вопросу референдума. Данная ситуация сложилась в Ивановской области в муниципальных образованиях, в которых назначены голосования населения по вопросу объединения поселений. В период всей кампании на территории данных муниципальных образований отсутствует какая-либо агитационная печатная продукция, не используются радио и газеты. Вся печатная продукция о голосовании оформляется в виде информирования населения с соблюдением требований по его содержанию.

Формулировки ч. 6 ст. 24 Федерального закона № 131-ФЗ нуждаются в коррективах. Во-первых, статья говорит о жителях, обладающих избирательным правом. Данная формулировка туманна и по сути неверна. Участниками голосования населения по вопросу изменения границ и преобразования муниципального образования являются участники референдума, зарегистриро-

ванные в соответствии с федеральным законодательством по месту жительства, а не жители, обладающие избирательным правом.

Таким образом, на основании вышеизложенных рассуждений полагаем целесообразным рекомендовать федеральному законодателю внести изменения в Федеральный закон № 67-ФЗ и Федеральный закон № 131-ФЗ, а также рекомендовать региональным законодателям урегулировать введением либо отдельного закона, либо отдельной главы в закон о местном референдуме голосование населения по вопросам изменения границ и преобразования муниципальных образований. Закон субъекта Российской Федерации, регулирующий порядок выдвижения инициативы, подготовки и проведения голосования по вопросам изменения границ, преобразования муниципального образования, должен включать в себя следующие основные положения: перечень возможных оснований выдвижения инициативы населения по проведению голосования по вопросу изменения границ, преобразованию муниципальных образований; порядок выдвижения инициативы населения по проведению голосования по вопросу изменения границ, преобразования муниципального образования; порядок и основания назначения голосования по вопросу изменения границ, преобразования муниципального образования; образование участков голосования по вопросу изменения границ, преобразования муниципального образования; регистрация участников и составление списков участников голосования по вопросу изменения границ, преобразования муниципального образования; агитация по вопросу изменения границ, преобразования муниципального образования; финансирование голосования по вопросу изменения границ, преобразования муниципального образования; голосование по вопросу изменения границ, преобразования муниципального образования, в том числе досрочное голосование; подведение итогов голосования участников голосования населения и результатов голосования населения; обжалование нарушений прав граждан и иных субъектов, имеющих право выдвижения инициативы голосования, прав граждан на участие в голосовании по вопросу изменения границ, преобразования муниципального образования.

Библиографический список

1. Дементьев А. Н. Правовые гарантии учета мнения населения при изменении границ и преобразовании муниципальных образований в Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2005. № 10.
2. Комарова В. В. Новые формы народовластия или старый референдум? // Законодательство и экономика. 2006. № 5.
3. Курячая М. М. Право на референдум в системе публично-политических прав граждан Российской Федерации. М., 2007.
4. Мирошниченко Е. В. Организационные формы осуществления местного самоуправления: новый этап развития // Законодательство. 2005. № 4.
5. О местном референдуме : закон Ивановской области от 30.04.2008 г. № 19-ОЗ // Собрание законодательства Ивановской области. 2008. № 19.
6. О проекте закона «О внесении изменений в Закон Ивановской области “О местном референдуме”» : постановление Ивановской областной думы от 26.02.2009 г. № 49 // Законы Ивановской области и документы Ивановской областной думы. 2009. № 7.
7. О проекте закона «О порядке голосования по вопросам изменения границ муниципального образования, преобразования муниципального образования» : поста-

- новление Ивановской областной думы от 27.09.2007 г. № 379 // Законы Ивановской области и документы Ивановской областной думы. 2007. № 26.
8. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.
 9. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : федеральный закон от 12.06.2002 г. № 67-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.
 10. По делу о проверке конституционности Закона Удмуртской Республики от 17 апреля 1996 года «О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике» : постановление Конституционного Суда РФ от 24.01.1997 г. № 1-П // Собрание законодательства РФ. 1997. № 5. Ст. 708.

ТЕХНОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ, РАЗРЕШЕНИЯ И РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ

Вопрос об управлении конфликтами вытекает из принципиального понимания конфликтов как неотъемлемой части общественных процессов, как их источника и движущей силы творческой деятельности людей, но вместе с тем и как детерминанты проблем и трудностей развития. Если бы конфликт понимался только как патологическое явление в обществе, ведущее к дезорганизации социальной системы, то основная проблема отношения к конфликту сводилась бы к его ликвидации или подавлению. Признание конфликта закономерным явлением в обществе, движущей его силой развития, расширяет и углубляет проблему обращения с ним.

Управление конфликтом есть целенаправленное воздействие на процесс конфликта, обеспечение решения социально значимых задач. Управление конфликтами включает в себя прогнозирование конфликтов, предупреждение одних и стимулирование других, прекращение и подавление конфликтов, их урегулирование и разрешение [2, с. 75].

Сколь бы ни были разнообразны конфликты, процесс их разрешения характеризуется некоторыми общими чертами. Как этап более широкого управленческого процесса он осуществляется прежде всего в рамках необходимых условий и принципов. Кроме того, ему присущи свои предпосылки, специфические этапы, стратегия и технология. Предпосылками разрешения конфликта, как правило, выступают следующие:

- 1) достаточная зрелость конфликта, выражающаяся в видимых формах его проявления;
- 2) потребность субъектов разрешить конфликт и способность это осуществить;
- 3) наличие необходимых средств и ресурсов для разрешения конфликта: материальных, политических, культурных, человеческих.

Процесс разрешения любого конфликта складывается, как минимум, из трех этапов. Первый — подготовительный (диагностика конфликта), второй — разработка стратегии разрешения и технологии, третий — практическая деятельность по разрешению конфликта.

Диагностика конфликта включает в себя описание его видимых проявлений, определение уровня развития конфликта, выявление причин конфликта и его природы, измерение интенсивности и определение сферы распространенности.

В зависимости от возможных моделей разрешения конфликтов, интересов и целей конфликтующих сторон применяются пять основных стилей разрешения конфликта. К ним относятся стили конкуренции, уклонения, приспособления, сотрудничества и компромисса.

Противоборство (конкуренция) характеризуется активной борьбой индивида или группы за свои интересы, отсутствием сотрудничества при поиске решения, нацеленностью только на свои интересы за счет интересов другой стороны. Для достижения поставленных целей применяются все доступные средства этого стиля: власть, принуждение, различные средства давления на оппонентов, применение силы. Условиями его применения являются: восприятие ситуации как крайне значимой для одной из сторон конфликта, наличие большого объема власти или других возможностей настоять на своем, ограниченность времени решения проблемы и невозможность длительного поиска взаимоприемлемого решения.

Уклонение (избегание, уход). Данная форма поведения характеризуется индивидуальными действиями и выбирается тогда, когда оппонент не хочет отстаивать свои права, сотрудничать для выработки решения, воздерживается от высказывания своей позиции, уклоняется от спора. Такое поведение возможно, если исход конфликта не особенно важен, ситуация слишком сложна и разрешение конфликта потребует много сил у его участников.

Приспособление характеризуется тем, что субъект действует совместно с другими, не стремясь отстаивать свои интересы. Следовательно, он уступает своему оппоненту и смиряется с его доминированием. При этом одна из сторон конфликта стремится сохранить мир с другими. Данный стиль наиболее удобен при компромиссной модели разрешения конфликта.

Сотрудничество означает, что индивид или сторона конфликта активно участвует в поиске решения, удовлетворяющего всех участников взаимодействия, не забывая при этом и свои интересы. Стиль сотрудничества предполагает открытый обмен мнениями, заинтересованность всех участников конфликта в выработке общего решения. Это *интегративная модель* разрешения конфликта. Данная форма требует продолжительной работы и участия всех сторон.

При *компромиссе* действия участников направлены на поиск решения за счет взаимных уступок, на выработку промежуточного решения, устраивающего обе стороны, при котором особо никто не выигрывает, но и ничего не теряет. Такой стиль поведения применим при условии, что оппоненты обладают одинаковой властью, имеют взаимоисключающие интересы, у них нет большого резерва времени на поиск лучшего решения, их устраивает промежуточное решение на определенный период времени.

Эффективное разрешение конфликта, т. е. разрешение при наименьших потерях ресурсов и сохранении жизненно важных общественных структур, возможно при наличии некоторых необходимых условий и реализации принципов управления конфликтом. К числу первых относятся: наличие организационно-правового механизма разрешения конфликта; наличие опыта конструктивного решения конфликтов; развитие коммуникативных связей; наличие ресурсов для осуществления системы компенсаций. Что касается принципов, то здесь речь идет прежде всего о конкретном подходе к разрешению конкретных конфликтов. Различаются силовая, компромиссная и интегративная модели. Силовая модель ведет к исходам конфликта двух видов: «выигрыш-проигрыш» и «проигрыш-

проигрыш». Две другие модели — к возможному разрешению конфликта по типу «выигрыш-выигрыш» [5, с. 15].

Всю совокупность методов разрешения конфликтов, в зависимости от вышеперечисленных стилей, целесообразно разделить на две группы. Первая группа — так называемых негативных методов — включает в себя все виды борьбы, преследующие цели достижения победы одной стороны над другой. Термин «негативные методы» в данном контексте обоснован ожидаемым конечным результатом завершения конфликта — разрушением единства конфликтующих сторон как базового отношения. Вторая группа — так называемых позитивных методов — предполагает при их использовании сохранение основы взаимосвязи (единства) между субъектами конфликта. Это в первую очередь разнообразные виды переговоров и конструктивного соперничества. Применение позитивных методов разрешения конфликта воплощается в достижении компромиссов или консенсусов между противоборствующими субъектами: это формы завершения конфликтов по типу «выигрыш-выигрыш». При этом различие негативных и позитивных методов всегда относительно, условно. В практической деятельности по управлению конфликтами эти методы нередко дополняют друг друга.

Основным позитивным методом разрешения конфликтов являются переговоры. Теория переговоров была разработана американскими конфликтологами Р. Фишером, У. Юри и Д. Деном [6, с. 65].

Переговоры — это совместное обсуждение конфликтующими сторонами с возможным привлечением посредника спорных вопросов с целью достижения согласия. Переговоры выступают своеобразным продолжением конфликта и в то же время служат средством его преодоления. В том случае когда делается акцент на переговоры как часть конфликта, их стремятся вести с позиции силы, с целью достигнуть односторонней победы. Естественно, такой характер переговоров обычно приводит к временному, частичному разрешению конфликта, и они служат лишь дополнением к борьбе с противником. Если же переговоры понимаются как метод урегулирования конфликта, то они приобретают форму открытых дебатов, рассчитанных на взаимные уступки и взаимное удовлетворение определенной части интересов сторон.

Справедливость выработанных решений зависит от используемых в ходе переговоров процедур урегулирования противоречивых интересов. В числе таких процедур — устранение разногласий при помощи жребия, делегирование права решать спорный вопрос посреднику. Последний способ решения спора широко распространен, а его вариации многочисленны.

Применение позитивных методов разрешения конфликта воплощается достижением компромисса или консенсуса между противоборствующими субъектами. Это форма завершения конфликта по типу «выигрыш-выигрыш».

Для эффективного регулирования конфликтного процесса необходимо иметь четкое представление о сути проблемы, которая лежит в основе конфликта. Р. Фишер и У. Юри отмечают, что многие конфликты происходят потому, что люди занимают определенные позиции, а затем фокусируют все усилия на защите своих позиций, вместо того чтобы определять скрытые нужды и интересы, которые вынудили их эти позиции занять. Таким образом, их ложная ориентация становится препятствием для поиска решения, которое учитывало бы скрытые интересы участвующих в конфликте сторон [6, с. 39].

Регулирование конфликта еще не есть его разрешение, поскольку сохраняются основные структурные компоненты конфликта. Однако все действия по регулированию составляют либо предпосылки разрешения, либо моменты этого процесса. Разрешение конфликта — это его заключительный этап. Поэтому различают полное и неполное разрешение конфликта. Если имеет место преобразование или устранение основы конфликта, то конфликт разрешается полностью. При неполном разрешении устраняются или преобразуются лишь некоторые структурные элементы конфликта, в частности содержание противоборства, его поле, мотивационная база конфликтного поведения участников [7, с. 48].

Для более успешного разрешения конфликта эффективно составление так называемой карты конфликта. Она предполагает следующие моменты:

- определение проблемы конфликта в общих чертах;
- определение сторон, вовлеченных в конфликт;
- определение потребностей и опасений каждого из главных участников конфликта [4, с. 46].

Составление такой карты позволяет ограничить дискуссию определенными формальными рамками, что в значительной степени помогает избежать чрезмерного проявления эмоций, создает возможность совместного обсуждения проблемы, атмосферу эмпатии.

Если конфликт происходит в организации, то в этом случае большую роль играет личность руководителя. Однако существует опасность, что руководитель не сможет быть достаточно объективным, ведь зачастую он сам является лицом, чьи интересы этот конфликт так или иначе затрагивает.

Существуют два подхода к применению власти: манипулирование и влияние.

Манипулирование	Влияние
В большинстве случаев исход желателен для влияющего.	Исход может не затрагивать интересы влияющего.
Часто исход не желателен для объекта влияния.	Учитывается согласие или его отсутствие у другого.
Информация, расходящаяся с желанием влияющей стороны, утаивается.	Объекту влияния предоставляется вся информация.
Объекту влияния не предоставляется возможность самостоятельного выбора.	Объекту влияния дается свобода выбора.

Отмечается, что для эффективного управления конфликтом необходимо использовать лишь влияние и не пытаться прибегнуть к манипуляции [3, с. 159].

Управление конфликтом должно быть нацелено и на то, чтобы найти наиболее подходящие меры для разрешения конфликта, выбрать время и способ применения этих мер. Для диагностики конфликтной ситуации используется тест «Шкала глубины конфликта», в котором применяется метод семантического дифференциала [1, с. 366].

Если сумма находится в интервале 35—40 баллов, то это свидетельствует, что конфликтующие стороны находятся в жесткой конфронтации друг к

другу. Руководитель может в таком случае принять на себя роль обвинителя и прибегнуть к административным методам воздействия. Сумма в пределах 25—34 баллов указывает на колебания в отношениях конфликтующих сторон. Руководитель может выступить в роли консультанта и прибегнуть, главным образом, к психологическим мерам. Сумма баллов, меньшая 24, свидетельствует о случайности возникшего конфликта. Здесь руководителю достаточно выступить в роли воспитателя с применением педагогических средств.

Шкала глубины конфликта

Стороны осознают причины конфликта.	1 2 3 4 5	Стороны не осознают причины конфликта.
Причина конфликта имеет эмоциональный характер.	1 2 3 4 5	Причина конфликта имеет материальный характер.
Цель конфликта — устремленность к социальной справедливости.	1 2 3 4 5	Цель конфликта — получение привилегий.
Есть общая цель, к которой стремятся все.	1 2 3 4 5	Общей цели нет.
Сферы сближения выражены.	1 2 3 4 5	Сферы несближения выражены.
Сферы сближения касаются эмоциональных проблем.	1 2 3 4 5	Сферы сближения касаются материальных проблем.
Лидеры мнений выделяются.	1 2 3 4 5	Лидеры немнений выделяются.
В процессе общения оппоненты придерживаются норм поведения.	1 2 3 4 5	В процессе общения оппоненты не придерживаются норм поведения.

Проблема профилактики и регулирования конфликтов на сегодняшний день остается самой актуальной в современной конфликтологии и социологии конфликта. Особенно это касается как межнациональных, религиозных конфликтов, в которых очень сложно выделить и проследить их начальную, «скрытую» стадию развития, так и конфликтов в организациях с вертикальным принципом управления.

Библиографический список

1. Бандурка А. М., Бочарова С. П., Землянская Е. В. Психология управления. Харьков, 1998.
2. Зайцев А. К. Социальный конфликт. М., 2000.
3. Конфликтология / под ред. А. С. Кармина. СПб., 1999.
4. Корнелиус Х., Фэйр Ш. Выиграть может каждый. Как разрешать конфликты. М., 1992.
5. Скотт Д. Г. Конфликты и пути их преодоления. Киев, 1991.
6. Фишер Р., Юри У. Путь к согласию, или Переговоры без поражения. М., 1992.
7. Шаленко В. Н. Конфликты в трудовых коллективах. М., 1992.

ББК 60.526.1 (2Р344 — 4И)

*Е. В. Панкратова***СУБЪЕКТИВНАЯ ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ
КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ
(По материалам социологического исследования)**

В современной социологической и экономической литературе учеными все чаще поднимается вопрос определения понятия и уточнения структуры показателя «качество жизни». Несмотря на актуальность «качества жизни», до сих пор обозначенный вопрос остается без однозначного ответа. Мы предлагаем определять «качество жизни» как совокупность необходимых и достаточных условий для реализации достойной жизнедеятельности человека в социуме [2, с. 15. Данное определение, во-первых, акцентирует внимание на условиях индивидуальной жизнедеятельности, считая их приоритетными. Во-вторых, оно не только фиксирует наличные условия жизни, но сравнивает их с наиболее оптимальными, ориентирует на совершенствование.

«Качество жизни» как социологический показатель имеет сложную структуру. Его комплексность обусловлена не только сочетанием объективных (статистических) оценок жизнедеятельности населения с субъективными, но и необходимостью изучения различных сфер жизни человека — экономической, социальной, политической, культурной¹.

Внимание автора статьи сосредоточено на описании одного из аспектов качества жизни населения региона — субъективной оценке показателей экономической сферы. К ним относятся удовлетворенность населения региона собственным уровнем жизни (материальное положение, питание, одежда, жилье) и удовлетворенность трудом (оплата труда, условия труда, содержание труда). Данные аспекты были затронуты в ходе социологического исследования, посвященного анализу качества жизни населения Ивановской области. Опрос был проведен в феврале 2008 г. среди городского и сельского населения области.

Анализ материального положения жителей Ивановского региона показал, что доход на каждого члена семьи в большинстве случаев (42,9 %) находится в промежутке от 3 до 5 тыс. р. и соответствует сумме прожиточного минимума. В марте 2008 г. средний прожиточный минимум в Ивановской области составил 3524 р.² 24,8 % респондентов указали сумму ниже прожиточного минимума — до 3000 р., 1,4 % — менее 1000 р. на человека, 32,2 % респондентов обладает доходом свыше одного прожиточного минимума на каждого члена семьи (см. рис. 1). Причем уровень доходов в городской и

© Панкратова Е. В., 2009

¹ Подробнее об авторской методике оценки качества жизни населения региона см.: Панкратова Е. В. Качество жизни как комплексный показатель социального развития региона : (на примере Ивановской области) : дис. ... канд. социол. наук. Н. Новгород, 2008.

² Прожиточный минимум для работающего населения — 4019 р., для пенсионеров — 3034 р., для детей — 3519 р.

сельской местности различен. Более высокие доходы имеют жители областного центра (г. Иваново). Об этом свидетельствует тот факт, что среди тех опрошенных, чей доход составляет от 5001 до 7000 р., 55,6 % респондентов проживают в г. Иваново, доход на каждого члена семьи от 7001 до 9000 р. имеет 60 % ивановцев, свыше 9001 р. — 66,7 % жителей г. Иванова. Имеют доход ниже прожиточного минимума: в сельской местности — 38,5 %, в других городах и городских поселениях области — 43,7 %.

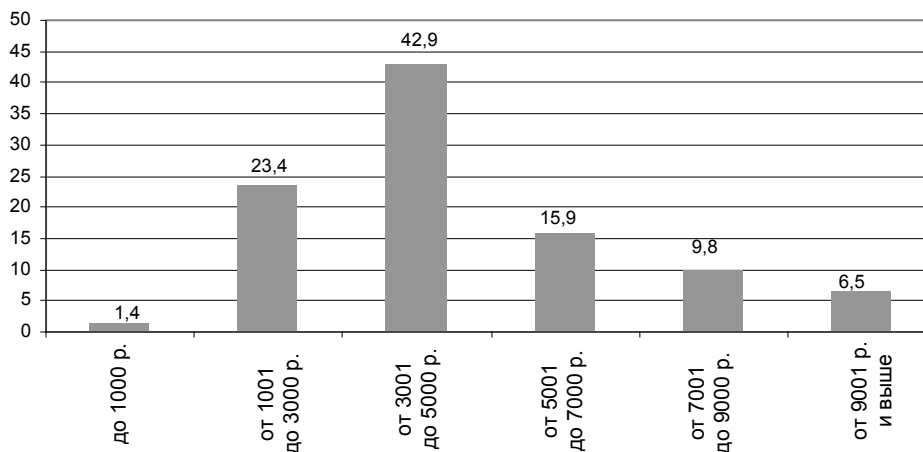

Рис. 1. Доход на одного члена семьи в месяц, % (n = 1000)

О низком уровне жизни региона свидетельствует список наиболее актуальных проблем граждан, среди которых лидирующее место занимает материальная обеспеченность (51,5 %) (см. рис. 2). Остроту материальной проблемы подчеркивают как городские, так и сельские жители области.

О недостатке материальных средств свидетельствуют многочисленные способы обеспечения себя и своей семьи: 56,3 % опрошенных занимаются трудовой деятельностью по основному месту работы, 31,4 % — имеют подсобное хозяйство (участок), 22,7 % — экономят на питании, одежде, бытовых услугах, 18,9 % — экономят на досуге, периодике, книгах, 16,3 % — занимаются единовременными или регулярными подработками. Причем опрошенным женщинам наиболее присуща стратегия экономии материальных средств, а мужчинам — стратегия дополнительного заработка. Интенсивная деятельность в сфере вторичной занятости является проявлением экономической активности населения. Как замечает исследователь А. А. Иудин, экономическая активность все более приобретает черты адаптивного поведения, стремления проявлять активность только для того, чтобы более или менее благополучно устроиться в жизни [1, с. 178].

К какой группе населения по уровню доходов отнесли себя респонденты? Мы предложили пять вариантов ответов: низший слой, между низшим и средним, средний слой, между средним и высшим, высший слой. Большинство жителей области по уровню дохода отнесли себя к среднему слою населения (42,5 %). Чуть меньше — 39,8 % — выбрали вариант «между низшим и средним», 12,8 % — низший слой. Меньшинство опрошенных выбрали варианты выше среднего: 4,5 % респондентов причислили себя к слою «между средним и высшим» и 0,4 % — к высшему слою.

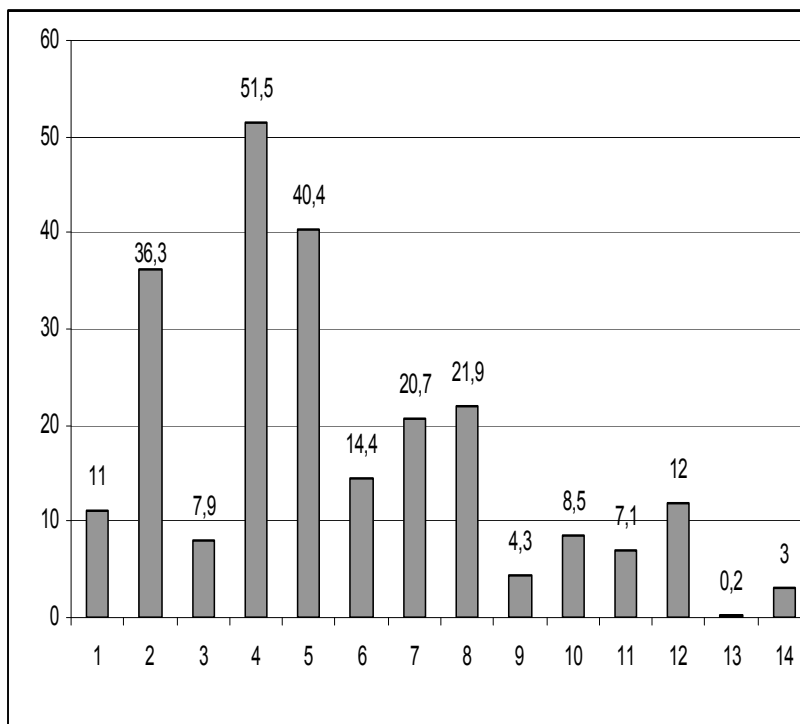

Рис. 2. Актуальные проблемы жителей Ивановской области, % (n = 1000):

- 1 — проживание в сильнозагрязненной местности;
- 2 — состояние здравоохранения и медицины;
- 3 — получение необходимого образования;
- 4 — материальная проблема;
- 5 — проблемы со здоровьем своим и своих близких;
- 6 — удовлетворение культурных потребностей, отдых;
- 7 — жилищные проблемы;
- 8 — неудовлетворенность работой властных организаций;
- 9 — неудовлетворенность работой общественных организаций;
- 10 — проблемы транспорта и связи;
- 11 — проблемы в законодательстве;
- 12 — проблемы с работой, трудоустройством;
- 13 — проблемы личной безопасности;
- 14 — проблем нет

Среди факторов, влияющих на выбор слоя по уровню дохода, выделяется место жительства опрошенных. Жители Иванова чаще всего выбрали вариант «между низшим и средним» — 43,5 %, к среднему слою себя отнесли 40,1 % жителей областного центра, 12,5% — к низшему слою. Среди ивановцев только 3,9 % респондентов отнесли себя к «между средним и высшим» и высшему слоям. Несколько иная картина наблюдается в других городах и городских поселениях области, где большинство населения относят себя к среднему слою. Среди опрошенных жителей сельской местности по сравнению с городской местностью самый высокий процент представителей низшего слоя — 18,6 % (см. табл. 1).

Выбор слоя населения респондентами также обусловлен размером дохода на каждого члена семьи. Об этом свидетельствует то, что в группе с доходом менее 1000 р. на человека большинство респондентов (85,7 %) отнесли

себя к низшему слою. В этой группе отсутствуют респонденты среднего и высшего слоев. Представители среднего слоя появляются в группе респондентов с доходом от 1001 до 3000 р. С повышением размера дохода увеличивается количество респондентов, относящих себя к среднему и «между средним и высшим» слоям. Абсолютное большинство групп населения с доходом от 5001 р. на человека в месяц относят себя к среднему слою (более 55 %). Представители низшего слоя отсутствуют в группах с доходом от 7001 р., а четверть из них причисляет себя к слою «между средним и высшим».

Таблица 1

**Выбор слоя населения по критерию дохода
в зависимости от места проживания респондентов, %
(n = 1000)**

Место проживания респондентов	Слой населения по уровню дохода					Итого
	Низший	«Между низшим и средним»	Средний	«Между средним и высшим»	Высший	
Город Иваново	12,5	43,5	40,1	3,0	0,9	100
Другие города и городские поселения области	10,1	36,9	48,6	4,5	—	100
Сельская местность	18,6	38,1	35,1	8,2	—	100

Выбор слоя населения зависит от занимаемой должности. Среди представителей низшего и «между низшим и средним» слоев отсутствуют руководители высшего звена. Среди руководителей среднего звена большинство (50 %) опрошенных отнесли себя к слою «между низшим и средним». Среди рядовых работников (78,5 % от всех опрошенных) процент представителей среднего и «ниже среднего» слоев примерно равен (44,2 и 41,9 % соответственно).

Демографические характеристики опрошенных также влияют на выбор слоя населения. По признаку пола обнаружена следующая зависимость: среди тех респондентов, кто отнес себя к низшему слою по уровню дохода, 72,3 % — это женщины разных возрастов, а 27,7 % — мужчины; среди представителей слоя «между низшим и средним» количество женщин также выше — 55,4 % и 44,6 % мужчин.

Что касается возрастных особенностей, то следует отметить тот факт, что среди младших возрастных групп большинство населения (порядка 55 %) уверенно относит себя к среднему слою населения, среди представителей более старших возрастов в несколько раз увеличивается процент респондентов, относящих себя к низшему слою населения (28 %).

Мы попросили респондентов оценить уровень материальной обеспеченности по пятибалльной шкале, где 1 было присвоено значение «очень плохо материально обеспечен», а 5 — «очень хорошо материально обеспечен». 53,9 % респондентов высказались за удовлетворительный вариант (3 балла из 5 возможных); варианта «плохо материально обеспечен» (2 балла из 5 возможных) придерживаются 24,0 % опрошенных, чуть более 10 % респондентов выбрали вариант «хорошо материально обеспечены» (4 балла из 5 возможных).

В результате выяснилось, что большинство респондентов с удовлетворительной оценкой уровня собственной материальной обеспеченности считают себя представителями среднего слоя населения по уровню дохода. Тот факт, что люди с доходом, равным и ниже суммы прожиточного минимума, относят себя к среднему слою, свидетельствует о том, что в сознании населения не сформировано понимание того, кто такие представители среднего класса. Это подтверждает также наличие связи между суммой дохода на одного члена семьи и оценкой уровня материальной обеспеченности. Так, 42,9 % респондентов с доходом до 3000 р. в месяц говорят о том, что они «удовлетворительно» материально обеспечены. Среди респондентов, указавших доход, равный сумме прожиточного минимума, уже более 60 % опрошенных считают себя «удовлетворительно» материально обеспеченными. Сумма дохода немного выше прожиточного минимума позволяет считать себя «хорошо» материально обеспеченными 22 % опрошенных жителей региона (табл. 2).

Таблица 2

**Оценка уровня материальной обеспеченности жителей Ивановской области
в зависимости от размера дохода на каждого из членов семьи, %
(n = 1000)**

Сумма дохода, р.	Оценка материальной обеспеченности по пятибалльной шкале (1 — очень плохо материально обеспечен, 5 — очень хорошо материально обеспечен)					Итого
	1	2	3	4	5	
До 1000	28,6	57,1	14,3	—	—	100
От 1001 до 3000	14,3	37,0	42,9	5,9	—	100
От 3001 до 5000	5,0	24,8	60,6	8,7	1,0	100
От 5001 до 7000	3,7	13,6	59,3	22,2	1,2	100
От 7001 до 9000	2,0	10,0	54,0	32,0	2,0	100
Свыше 9001	—	12,1	45,5	36,4	6,1	100

Таким образом, типичным представителем среднего класса, с точки зрения опрошенных, является человек, имеющий один прожиточный минимум и соответствующую ему удовлетворительную материальную обеспеченность. Это позволяет говорить о двух моментах. Во-первых, жители области, имея очень низкие материальные притязания, скорее всего завышают свой материальный статус. Во-вторых, субъективное восприятие человеком своего положения в данном случае может основываться не на материальных критериях, а на социальных, например уровне образования и квалификации, сфере деятельности, общественном статусе и пр.

Респонденты, не имеющие детей в семьях, выше всего оценивают уровень своей материальной обеспеченности: из всех «хорошо» оценивших свой достаток 31,9 % — респонденты, не имеющие детей. Среди опрошенных с удовлетворительным уровнем материальной обеспеченности большинство имеет одного ребенка — 38,0 %. Среди плохо материально обеспеченных жителей области большинство имеет двоих детей — 41,8 %.

Зависимостей оценки материальной обеспеченности от образования и рода занятий не обнаружено.

Качество питания — один из параметров уровня жизни, непосредственно влияющий на здоровье людей. Большинство респондентов (44,1 %) определили качество своего питания как «удовлетворительное». На наш взгляд, данную оценку можно объяснить тем, что большинство жителей области имеет несбалансированный рацион питания, не может себе позволить весь набор необходимых продуктов. 33,5 % респондентов оценили свое питание как «хорошее», 12,8 % — как «плохое». Люди старшего возраста (60 лет и старше) оценили свое питание как «плохое» по сравнению с другими возрастными группами, что связано с худшим материальным обеспечением людей этой возрастной категории.

Чем лучше респондент материально обеспечен, тем выше он оценивает качество питания. В группах с доходом до 5000 р. в месяц на каждого члена семьи большинство респондентов «удовлетворительно» питаются. Около 40 % респондентов с доходом до 9000 р. оценили свое питание как «хорошее». Доход свыше 9001 р. на одного члена семьи позволяет порядка 30 % опрошенных «очень хорошо» питаться.

Выше всего качество питания оценивают люди, состоящие в браке. Хуже всего — разведенные респонденты, среди которых более 30 % считают, что питаются плохо (2 балла из 5 возможных).

Такие факторы, как пол, место жительства, образование, род занятий, не оказывают влияние на оценку питания респондентов.

К параметрам уровня жизни мы отнесли наличие у респондентов одежды для всех сезонов. Основными факторами, влияющими на субъективную оценку наличия и качества имеющейся одежды, выступили доход и пол опрошенных жителей области. 88,2 % респондентов имеют одежду для каждого сезона. Однако среди людей с доходом, равным сумме прожиточного минимума и ниже, около 30 % не имеют необходимой одежды. Абсолютное большинство участников опроса удовлетворены ее качеством («полностью удовлетворяет» — 19,1 % опрошенных, «скорее удовлетворяет» — 53,5 % опрошенных). Однако женщины в большей степени, чем мужчины, не удовлетворены своей одеждой. Это подтверждает низкий процент мужчин, которых не устраивает качество имеющейся одежды — 16,1 %, процент женщин в 2,2 раза больше — 35,5 %. Скорее всего, это объясняется более высокими требованиями и притязаниями женщин к одежде.

К критериям уровня жизни относится качество жилья. Для 20,7 % опрошенных жилищная проблема является наиболее актуальной (см. рис. 2). Участникам опроса было предложено оценить удовлетворенность качеством своего жилья по пятибалльной шкале, где 1 — «совсем не удовлетворен», а 5 — «удовлетворен полностью». Большинство жителей области (36,9 %) предпочли среднюю градацию, т. е. 3 балла. 30,6 % опрошенных оценили качество жилья на 4 балла. Среди наиболее распространенных причин неудовлетворенности качеством жилья респонденты выделили следующие: маленькая площадь — 46,7 %, неудовлетворительное качество услуг, предоставляемых жилищно-коммунальной службой — 44,2 %, требуется капитальный ремонт дома — 33,5 % (см. рис. 3).

Наименее удовлетворены жилищными условиями жители сельской местности, абсолютное большинство которых проживает в частных домах (77,1 %). Самыми распространенными проблемами жилья в сельской местности являются отсутствие полного набора жилищно-коммунальных услуг (44,3 %), ветхость жилья и необходимость его капитального ремонта (42,0 %).

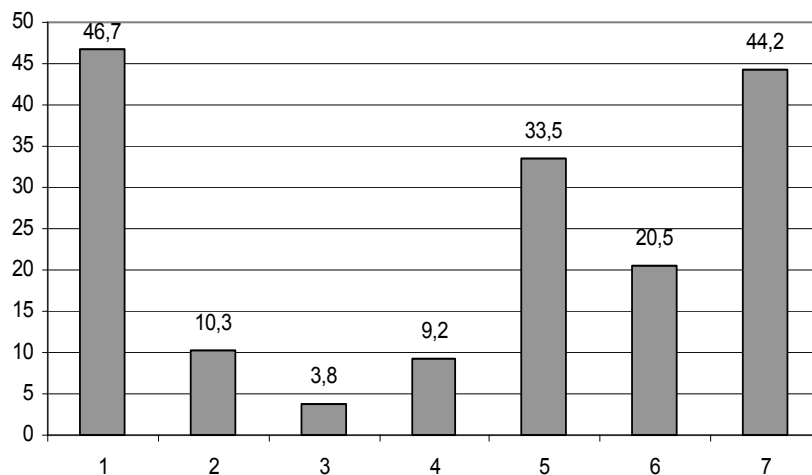

Рис. 3. Основные причины неудовлетворенности жильем жителей Ивановской области, % (n = 1000):

- 1 — маленькая площадь;
- 2 — жилье не собственное, а принадлежит родственникам;
- 3 — жилье съемное;
- 4 — жилье с соседями;
- 5 — требуется капитальный ремонт дома;
- 6 — неполный спектр услуг, которые предоставляет жилищно-коммунальная служба (нет центрального отопления, газа, воды и пр.);
- 7 — неудовлетворительное качество услуг, которые предоставляются жилищно-коммунальной службой

Наиболее острой проблемой, связанной с качеством жилья в городах и городских поселениях области, является неудовлетворительная работа жилищно-коммунальных служб. Вторая актуальная проблема жилья — маленькая площадь (50,2 % — ивановцы, 48,9 % — жители других городов). В связи с тем что в области преобладает старый жилой фонд, а новое строящееся жилье по цене недоступно большинству жителей региона, одной из актуальных проблем становится необходимость капитального ремонта жилья (31,5 % опрошенных в г. Иванове и 30,9 % респондентов других городов и городских поселений области высказались за вариант «требуется капитальный ремонт дома»).

Причины неудовлетворенности жильем различаются в зависимости от характера жилищных условий. Среди тех опрошенных, кто проживает в отдельных квартирах, выделяются следующие в иерархичном порядке причины: неудовлетворительное качество услуг, предоставляемых жилищно-коммунальной службой (54,3 %), маленькая площадь (48,3 %), необходимость капитального ремонта дома (29,5 %). Респонденты, проживающие в коммунальных квартирах, выделяют две основные причины — маленькая площадь и проживание с соседями (по 66,7 %). Для опрошенных, живущих в частных домах с соседями, основной причиной неудовлетворенности качеством жилья служит проживание с соседями (более 71 %). Участников опроса, проживающих в отдельных частных домах, не устраивает то, что их дома необходимо ремонтировать (46,3 %), а также неполный спектр жилищно-коммунальных услуг (45,0 %). Для проживающих в общежитии основной причиной неудовлетворенности жильем выступает маленькая площадь.

Анализ данных не выявил зависимости оценки удовлетворенности жильем от дохода респондентов.

Удовлетворенность трудом — следующий субъективный показатель качества экономической сферы региона. Различные стороны удовлетворенности трудом зависят от таких факторов, как пол, возраст, образование, место жительства, материальная обеспеченность респондентов, отрасль экономики, в которой работают опрашиваемые, а также фактор соответствия рабочего места и полученной специальности. Не оказывает влияния на удовлетворенность трудом семейное положение человека.

Среди опрошенных преобладает работающее население — более 66 %. В опросе приняли участие работники различных отраслей: образование и наука — 18 %, здравоохранение — 10,3 %, армия и милиция — 13,3 %, легкая промышленность — 13,6 %, торговля и бытовое обслуживание — 16,2 %, а также строительство, транспорт, органы управления, связь, культура, финансы, тяжелая промышленность, энергетика (от 1,5 до 5,3 %). Что касается должностного положения, то в исследовании участвовало 78,2 % рядовых работников, 13,2 % руководителей низшего звена (отдела, цеха), 3,3 % руководителей среднего звена (филиала, подразделения), 5,3 % руководителей высшего звена (предприятия, организации, фирмы).

Анализ этого блока начнем с удовлетворенности респондентов рабочим местом. Большинство жителей области удовлетворены местом работы. На вопрос: «Довольны ли Вы в целом своим рабочим местом?» — 27,9 % опрошенных ответили утвердительно, около половины респондентов сказали «скорее да», 16,5 % — согласились с ответом «скорее нет» и только 7,5 % дали отрицательный ответ.

Менее удовлетворены рабочим местом респонденты, входящие в возрастную группу 30—39 лет: 40 % участников опроса этого возраста абсолютно не удовлетворены рабочим местом, 36,4 % — выбрали вариант «скорее не удовлетворен». Опрошенные в возрасте от 40 до 59 лет в большей степени, чем представители младших возрастных групп, удовлетворены рабочим местом: по 28 % респондентов возрастной категории 40—49 лет и 50—59 лет абсолютно устраивает их рабочее место. Что касается самой старшей (60 лет и старше) и самой младшей (18—29 лет) возрастных групп, опрос показал, что процент удовлетворенных рабочим местом, как правило, незначительно превышает долю тех респондентов, кто не удовлетворен.

Образование респондента тоже оказывает влияние на удовлетворенность рабочим местом. В результате анализа данных исследования была обнаружена следующая тенденция: чем выше уровень образования человека, тем выше его удовлетворенность рабочим местом. Это подтверждают следующие данные: «удовлетворены» и «скорее удовлетворены» рабочим местом 86,2 % опрошенных с высшим образованием, 64,2 % респондентов, имеющих послевузовское образование, 81,3 % участников опроса, получивших незаконченное высшее образование. Количество респондентов со средним специальным образованием и ниже, остановившихся на варианте «удовлетворен» или «скорее удовлетворен» рабочим местом, не превысило 60 %.

Удовлетворенность рабочим местом различается в зависимости от типов предприятий, на которых работают респонденты. Мужчины, работающие на государственных предприятиях, в большей степени, чем женщины, не удовлетворены рабочим местом: 30,4 % мужчин и 20,6 % женщин не удовлетворены и «скорее не удовлетворены» рабочим местом. Среди работников госпредприятий, удовлетворенных рабочим местом, большинство женщин (28,3 % — «удовлетворены полностью», 50,0 % — «скорее удовлетворены»).

Удовлетворенность рабочим местом мужчин, работающих на частных предприятиях, несколько выше, чем у женщин: 77,0 % мужчин и 69,1 % женщин «полностью» и «скорее удовлетворены» занимаемым рабочим местом.

Удовлетворенность жителей региона рабочим местом различается и в зависимости от места жительства. Тех, кого устраивает его рабочее место, в областном центре — 79,2 %, что на 12 % выше, чем в других городах и городских поселениях области, и на 8 % выше, чем в сельской местности.

Фактор материальной обеспеченности также оказывает значительное влияние на удовлетворенность трудом: среди тех респондентов, кто «хорошо» и «очень хорошо» (4 и 5 баллов по пятибалльной шкале) материально обеспечен, процент удовлетворенных рабочим местом в среднем в 2—2,5 раза выше.

Теперь обратимся к анализу удовлетворенности участников опроса различными сторонами их трудовой деятельности. Большинство респондентов удовлетворено всеми аспектами трудовой деятельности за исключением размера оплаты труда. В большей степени респонденты довольны санитарно-гигиеническими условиями, отношениями в коллективе, отношениями с руководством, содержанием труда, графиком работы, возможностью применения творческого подхода.

Заработная плата «совсем не устраивает» четверть респондентов и «скорее не устраивает» более 37 % опрошенных. Анализ удовлетворенности размером оплаты труда в зависимости от отрасли экономики, в которой работает респондент, выявил, что более всего неудовлетворенных оплатой труда в таких сферах, как образование и наука (83 %), органы управления (80 %), армия и милиция (73,4 %), легкая промышленность (69,8 %), здравоохранение и культура (по 60 %). Единственной отраслью труда, в которой работники удовлетворены заработной платой, является строительство. В число наименее удовлетворяющих население параметров труда попали отсутствие перспектив карьерного роста и социальных гарантий, напряженность работы (табл. 3).

Таблица 3

**Удовлетворенность жителей Ивановской области
различными сторонами трудовой деятельности, % (n = 1000)**

Характеристика труда	Удовлетворен полностью	Скорее удовлетворен	Скорее не удовлетворен	Совсем не удовлетворен	Затрудняюсь ответить
Санитарно-гигиенические условия труда	23,1	45,3	21,9	5,7	3,9
Отношения в коллективе	39,6	45,9	9,0	3,0	2,4
Отношения с руководством	32,0	46,8	12,1	5,7	3,3
Размер оплаты труда	9,3	26,1	37,2	24,6	2,7
Социальные гарантии	15,3	31,8	27,0	18,9	6,9
Объем работы / загруженность	17,4	39,6	27,9	11,7	3,3
График работы	28,8	44,4	17,4	6,9	2,4
Содержание труда	33,0	45,9	12,6	3,9	4,5
Количество выходных дней	36,0	38,7	12,9	9,0	3,3
Контроль со стороны работодателя	27,5	49,5	12,2	5,8	4,9
Возможность творческого подхода	26,2	40,4	17,8	10,8	4,8
Перспективы карьерного роста	14,8	32,4	22,4	24,2	6,1

Среди работников государственных организаций больше недовольных размером оплаты труда: 39,8 % — «скорее не удовлетворены», 34,2 % — «совсем не удовлетворены». Среди работников частных предприятий доля удовлетворенных и не удовлетворенных размером зарплаты одинакова. Процент «полностью удовлетворенных» и «скорее удовлетворенных» оплатой труда среди работников частных предприятий составляет 13,9 и 35,2 % соответственно, что в первом случае почти в 3, а во втором случае в 2 раза выше по сравнению с ответами работающих на госпредприятиях.

Среди работников частных предприятий выше доля тех респондентов, которых не устраивают перспективы карьерного роста: 55,6 % — среди работающих на частных предприятиях и 40,4 % — среди работающих на госпредприятиях.

Процент удовлетворенных социальными гарантиями несколько выше среди представителей государственных организаций. 50,9 % работников госпредприятий и 45,3 % работников частных фирм «полностью» и «скорее устраивают» предоставляемые работодателем социальные гарантии.

Работники государственных предприятий не удовлетворены высокой рабочей нагрузкой больше, чем работники частных предприятий: 44,7 % работников госпредприятий и 36,0 % работников частных организаций «не удовлетворены» и «скорее не удовлетворены». Процент полностью удовлетворенных объемом работы среди работников частных предприятий намного выше (20,4 % — работники частных предприятий, 13,0 % — работники госпредприятий).

Таким образом, жителей региона, работающих на государственных предприятиях, в большей степени устраивают предоставляемые социальные гарантии и перспективы карьерного роста, работающих на частных предприятиях — размер заработной платы и высокая нагрузка.

Большинство участников опроса работает по полученной специальности — 53,5 %. Среди них больше женщин — 59 %. Наличие работы по специальности зависит от образования респондентов: 63 % опрошенных с высшим и 82,4 % с послевузовским образованием занимают рабочее место в соответствии со специальностью. Среди работающих в соответствии с полученной специальностью больше жителей сельской местности, чем горожан.

Анализируемый фактор влияет на степень удовлетворенности трудом и рабочим местом. Процент неудовлетворенных рабочим местом гораздо выше среди тех респондентов, чья работа не соответствует профессии. Среди тех опрошенных, кто совершенно не доволен рабочим местом, 64 % работают не по специальности, а из тех, кто доволен, 61,3 % работают по специальности.

Около 50 % опрошенных говорят, что трудоустройство по специальности возможно. Основной причиной того, что многие из жителей Ивановской области работают не по полученной специальности, является несоответствие размера заработной платы трудовым затратам. Так считает четверть респондентов. 21,5 % опрошенных отмечают, что работать по специальности возможно, но затруднителен поиск вакансии. Только 15,1 % участников опроса заявили, что их специальность абсолютно не востребована. Недовольство жителей области уровнем оплаты труда значительно снижает общую удовлетворенность своей трудовой деятельностью.

Таким образом, анализ субъективных показателей качества экономической сферы показал, что большинство респондентов имеют низкие доходы, сопоставимые с суммой прожиточного минимума. Проблема низкой

материальной обеспеченности в большей степени характерна для сельских жителей. Оценки индивидуальной материальной обеспеченности позволяют говорить о заниженных материальных притязаниях жителей области. Качество питания и одежды зависит в большей степени от дохода граждан. Респондентов с более высоким материальным положением больше в городах, они обеспечены лучшим питанием и одеждой. Доминантный фактор, обуславливающий оценку качества жилья, — это место проживания респондентов и тип жилья. Основная причина неудовлетворенности опрошенных жильем — маленькая площадь и неудовлетворительное качество жилищно-коммунальных услуг. Общая удовлетворенность трудом жителей региона достаточно высока. Удовлетворенность рабочим местом зависит от многих параметров: пола, места жительства, материального положения, занимаемой должности, типа предприятия. Жители областного центра в большей степени, нежели селяне, довольны рабочими местами. Самым уязвимым аспектом трудовой деятельности работников всех типов предприятий является размер оплаты труда; работники госпредприятий отмечают высокую загруженность, а работники частных предприятий — отсутствие социальных гарантий и перспектив карьерного роста.

Библиографический список

1. *Иудин А. А.* Социальные трансформации : экономические установки населения и массовое политическое сознание (1988—1999 гг.). Н. Новгород : НИСОЦ, 1999.
2. *Панкратова Е. В.* Качество жизни как комплексный показатель социального развития региона : (на примере Ивановской области) : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Н. Новгород, 2008.

ББК 63.3(2)64-6

Е. В. Страхова, В. Л. Черноперов

ИЗ ИСТОРИИ СВЯЗЕЙ ВУЗОВ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ С ВЫСШИМИ УЧЕБНЫМИ ЗАВЕДЕНИЯМИ И НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫМИ ЦЕНТРАМИ ГЕРМАНИИ, 1990—2000 ГОДЫ

Проблема включения вузов России в мировое образовательное пространство — актуальная тема современных исследований. В представленной статье сделана попытка обобщить опыт сотрудничества ивановских вузов с партнерами в Германии в последнем десятилетии XX века. Нижняя хронологическая граница — 1990 г. — обусловлена тремя факторами. Во-первых, появлением на карте Европы объединенной Германии. Во-вторых, принятием Европейским союзом программы TEMPUS, обозначившей направления вузовской политики ЕС в отношении России. В-третьих — подписанием в этом году первого долгосрочного договора о сотрудничестве ведущего регионального вуза, Ивановского государственного университета (ИвГУ), с партнером из ФРГ — Пассауским университетом (ПУ). Верхняя хронологическая граница — 2000 г. — продиктована завершением действия в России программ TEMPUS-1 и TEMPUS-2, а также 10-летием связей ИвГУ и ПУ.

Источниковую базу работы составили документальные источники, материалы региональной периодической печати и интервью, взятые в конце 2002 — начале 2003 г. у ведущих ученых Иванова одним из авторов. Следует подчеркнуть, что в статье рассматривается только сотрудничество, основанное на официальных договорах о партнерстве. Данному критерию в 1990—2000 гг. соответствовали четыре ивановских вуза — Ивановский государственный университет, Ивановская государственная сельскохозяйственная академия (ИГСХА), Ивановский государственный химико-технологический университет (ИГХТУ) и Ивановский государственный энергетический университет (ИГЭУ).

В начале 1990-х гг. у Ивановского университета было несколько партнеров в Германии. Старейшим являлся Эрфуртский педагогический институт, отношения с которым завязались еще в 1960-х гг. [2, с. 293]. В первой половине 1990-х гг. этот вуз посетили филологи ИвГУ — профессор П. В. Куприяновский, доцент А. И. Молчанова [31] и И. В. Антипина [1]. Последняя прочитала немецким студентам курс о современном положении в

© Страхова Е. В., Черноперов В. Л., 2009

России и провела практические занятия по грамматике, которые были высоко оценены студентами и руководством немецкого университета [57]. Однако активная фаза сотрудничества с Эрфуртом явно уходила в прошлое. Образувавшуюся нишу стремительно заполняли связи с другими научными и учебными центрами ФРГ.

8 января 1990 г. Ивановский госуниверситет подписал договор о сотрудничестве с университетом Пассау из Восточной Баварии. Большую роль в его заключении сыграли филологи — декан филфака ИвГУ И. А. Хромова, профессора П. В. Куприяновский и Л. А. Розанова, а также руководитель переводческого центра ПУ доктор А. Хёхерль — сегодня почетный профессор Ивановского университета [61]. Первые контакты, «мотором» которых стали И. Хромова и А. Хёхерль, финансировались преимущественно по линии DAAD, последующие — в рамках программы TEMPUS. Договор о сотрудничестве и ежегодно обновляемые рабочие программы определили основные направления совместной деятельности: обмен студентами для обучения русскому и немецкому языкам, организация включенного обучения и стажировок. Одновременно решались вопросы совершенствования учебного процесса, постановки библиотечного дела, обмена литературой, банками компьютерных программ и т. д.

Поскольку контакты ИвГУ и ПУ были установлены филологами, то первое время именно они, включая студентов и преподавателей романо-германского факультета, стояли в центре диалога [61]. Однако достаточно быстро к ним присоединились юристы, экономисты и историки. В двусторонних связях важное место занимали языковые курсы, которые вели переводческий центр университета Пассау, руководимый А. Хёхерлем, и кафедра практического русского языка ИвГУ во главе с профессором И. Д. Морозовой. Программа включала занятия по немецкому и русскому языкам, страноведению, литературе, а также экскурсии. Кроме того, студенты в процессе стажировок могли работать в библиотеках университетов, собирать материал для исследований, слушать лекционные курсы или получать консультации ученых вуза-партнера (профессоров В. Н. Егорова, А. И. Бибикова, В. П. Ракова, П. В. Куприяновского, Е. И. Исениной, доцентов И. В. Антипиной, И. А. Хромовой, докторов А. Хёхерля, Г. Шмалена и др.) [3, 13, 31, 42, 61, 66].

Преподаватели, в свою очередь, приобрели новые возможности для участия в научных конференциях или публикациях в ИвГУ или ПУ [61]. Примером служит выход в 1995 г. в издательстве Ивановского университета монографии Э. Ханзака «Значение, понятие, имя» [60], которая вызвала интерес научной общественности России.

Важным направлением сотрудничества вузов в 1990—2000 гг. стали многомесячные стажировки преподавателей и аспирантов (В. Л. Черноперова, А. В. Ракова, С. С. Мишурова и др.) [31, 61], которые помогли им решить задачи диссертационных исследований [51, 63, 64]. Специалистов высшей квалификации за счет длительного пребывания в вузе-партнере получала и немецкая сторона. М. Риппинг после обучения на филфаке ИвГУ поступила в аспирантуру по кафедре литературы XX века, где под руководством профессора В. П. Ракова подготовила и в 2003 г. успешно защитила кандидатскую диссертацию [52].

Университеты Иванова и Пассау серьезное внимание уделяли также совершенствованию учебного процесса. Этому служили постоянный обмен

учебно-методической литературой, преподавателями и официальные визиты руководителей вузов [3, 13, 17, 49]. Так, в ПУ побывали ректор ИвГУ В. Н. Латышев, проректоры В. Н. Егоров, А. И. Щеглов и Н. В. Усольцева, деканы факультетов РФФ, экономического и филологического. ИвГУ, в свою очередь, посетили ректоры университета Пассау К.-Х. Полок, В. Швайтцер и другие руководители. Встречи в партнерском вузе помогали найти оптимальную линию в организации учебного процесса в собственном университете. Причем, несомненно, большее значение эта сторона сотрудничества имела для ИвГУ. В турбулентные 1990-е гг. высшее образование России оказалось в стадии масштабной перестройки, и контакты с немцами позволяли определить нужный вектор развития. Кроме того, тесное сотрудничество с ПУ позволило ивановцам расширить свои связи с университетами Лунда (Швеция) и Пармы (Италия), которые одно время были партнерами ИвГУ по программе TEMPUS [8, 12, 48, 67], причем германский вуз выступал координатором.

Десятилетие сотрудничества ивановского вуза с партнером из Баварии дало явные положительные результаты, однако далеко не всё из задуманного было реализовано.

В ноябре 1994 г. в ИвГУ приезжал ведущий политолог ФРГ, работавший в Пассау, — профессор Г. Оберройтер. В Иванове немецкий ученый встретился с преподавателями и студентами истфака [12]. К этому времени на кафедре новой и новейшей истории ИвГУ профессорами Д. И. Польшанским и С. М. Усмановым был разработан курс по политологии и заявлено о готовности открыть эту новую специальность. В рамках созданного при ИвГУ центра интеллигентоведения осенью 1994 г. прошла представительная конференция, которая могла заложить традицию регулярных политологических форумов [54]. В сложившейся ситуации контакты с немцами приобретали первостепенное значение, тем более что Г. Оберройтер обещал всестороннюю помощь. Однако «тогдашнее руководство факультета и университета не проявило большой заинтересованности в развитии нового направления, и предложения кафедры о введении политологической специальности не получили развития» [50, с. 125].

Еще одним германским партнером ИвГУ в конце XX в. стал Берлинский технический университет (БТУ). Связи между вузами ведут отсчет с октября 1992 г., когда стороны подписали договор о сотрудничестве. Центральную роль в установлении контактов сыграла руководитель Проблемной лаборатории жидких кристаллов (ПЛЖК) ИвГУ профессор Н. В. Усольцева. Познакомившись с профессором ТУ Берлина К. Префке на конференции в Италии, она позже по линии DAAD получила возможность стажироваться в его научной группе. Ученому из Иванова была предоставлена полная свобода для творческой деятельности и современное оборудование [58]. Первые контакты Н. В. Усольцевой с К. Префке переросли в плодотворное многолетнее сотрудничество. Причем обсуждение рабочих вопросов шло на немецком, а доклады на научных форумах — на английском языке. Н. Усольцева и К. Префке стали координаторами соглашения между ИвГУ и БТУ.

Договор ивановцев с берлинцами предусматривал научное партнерство в исследовании дискотических мезогенов (особого класса жидких кристаллов), участие в международных конференциях и издание трудов. При этом обозначилось известное различие в сфере научных интересов партне-

ров. Немецких ученых больше интересовал термотропный вид жидких кристаллов, в то время как коллеги из ИвГУ специализировались на лиотропных жидких кристаллах. Установившиеся связи позволили ивановцам включиться в Европейскую сеть по исследованию жидких кристаллов, объединившую учебные центры 9 ведущих государств ЕС [58], и расширить поле сотрудничества с зарубежными специалистами [11]. Результаты совместных с немцами научных исследований легли в основу докладов на научных конференциях в США, Великобритании, Германии, Испании [58]. Кроме того, партнеры подготовили почти 30 совместных публикаций для международного журнала «Жидкие кристаллы» и других научных изданий (см., напр.: [44, 56, 62, 73, 74]). В Иванове при участии германских коллег, Международного жидкокристаллического общества «Содружество», Института кристаллографии РАН и МГУ в 1994, 1997 и 2000 гг. прошли международные конференции по лиотропным жидким кристаллам. Материалы двух первых форумов были изданы специальными сборниками, а последнего — отдельным выпуском журнала «Известия РАН. Серия физическая». Другим подтверждением признания научной общественностью успехов сотрудничества ИвГУ и ТУ Берлина стало включение К. Префке и Н. Усольцевой в редколлегию «Жидких кристаллов», поддержка ряда проектов Немецким исследовательским обществом и Немецко-российской программой РФФИ.

Как и в случае с университетом Пассау, важным направлением сотрудничества стала подготовка научных кадров. В 1998 г. аспирантка ИвГУ А. И. Смирнова получила для работы в группе К. Префке целевую стипендию Президента России. Итогом стажировки стала кандидатская диссертация [55]. Члены специализированного совета ИвГУ во время защиты А. И. Смирновой отметили высокую эффективность ее поездки в Германию. Сама соискательница в работе выразила благодарность Префке и возглавляемой им группе за предоставленную возможность работать на оборудовании Технического университета Берлина и доброжелательное отношение [55, с. 176]. Кстати, сам немецкий ученый специально приехал в Иваново и принял участие в защите диссертации А. Смирновой.

Следует отметить, что в конце XX в. сотрудничество ТУ Берлина и ИвГУ вышло за узкопрофессиональные рамки. Свидетельством служит вклад профессора Префке в организацию учебного процесса на РГФ ивановского вуза. Ученый читал российским студентам-филологам лекции о культурной и политической жизни Германии. Кроме того, он вошел в редколлегию научного журнала «Вестник ИвГУ» и стал куратором Немецкого центра при Ивановском университете, куда регулярно присылал из ФРГ страноведческую литературу, газеты и журналы. За активную деятельность К. Префке был избран почетным профессором ИвГУ и получил сертификат на право координации международной деятельности Ивановского университета за рубежом.

В 1990-е гг. научные связи с немецкими научно-производственными центрами начала развивать Ивановская государственная сельскохозяйственная академия. Работа велась в рамках стажировок и обучения студентов с Востока — одного из направлений вузовской политики ФРГ в отношении России. Согласно этой программе студенты ИГСХА регулярно проходили сельскохозяйственную практику в немецких фермерских хозяйствах. Ежегодно в ФРГ выезжали до 10 учащихся, специализировавшихся в области

растениеводства, животноводства, сельхозтехники, аграрной экономики и агроэкологии. Эту возможность ивановцы получили благодаря контактам ИГСХА с организацией APOLLO и союзом LOGO.

APOLLO (Ассоциация по сотрудничеству в области сельского хозяйства, экологии и развития села в Восточной Европе) — общественная организация, которая начала участвовать в студенческом российско-германском обмене с 1991 г. Ее представители способствовали установлению и поддержанию контактов между вузами ФРГ и РФ в области сельского хозяйства, биологии и географии. В 1993 г. исполнительным директором APOLLO стал Б. Херманн. Тогда же данная организация наладила связи с ИГСХА [25]. Куратором проекта с германской стороны выступил сам Б. Херманн, с российской — В. И. Турута, одна из самых опытных преподавательниц кафедры иностранных языков сельхозакадемии (на кафедре с 1973 г.). Связи ивановцев с немцами по линии APOLLO продолжались до 1997 г., но так и не были закреплены договором о сотрудничестве.

По-иному сложилась судьба контактов ИГСХА с LOGO.

Немецкий союз LOGO («Сельское хозяйство и экологическое равновесие с Восточной Европой») основали в январе 1995 г. фермеры и аграрные инженеры, ведущие экологическое хозяйство. Организация финансировалась за счет членских взносов, средств Немецкого государственного общества по охране окружающей среды (EKOLOR), DAAD, сельскохозяйственной палаты Рейн-ланда и Вестфалии-Липпе и т. д. [9]. На декабрь 1999 г. союз насчитывал 95 членов и входил в несколько структур — Международную федерацию органического сельского хозяйства, Федеральный сельскохозяйственный союз и Федеральный союз немецких обществ «Запад — Восток». Целью своей деятельности LOGO объявил внедрение в Восточной Европе и Центральной Азии экологически безвредных способов ведения хозяйства, натуральных средств защиты растений, а также возобновляемых видов сырья и энергии. С момента образования союз большое внимание уделял студентам-аграриям из стран СНГ.

Контакты LOGO с ИГСХА были установлены в 1998 г. В следующем году был подписан двусторонний договор «с целью организации практик студентов-старшекурсников в сельскохозяйственных предприятиях Германии» [27, с. 138]. Причем его основные параметры были близки к тем, что развивались в рамках совместной работы с APOLLO [25]. Можно сказать, что сельхозакадемия начала работать с LOGO по уже апробированной схеме, но теперь подкрепив связи соглашением.

Конкурс российских кандидатов для практики в Германии проходил в два этапа. На испытаниях проверялась профессиональная и языковая подготовка студентов. Возраст ограничивался 20—25 годами, что позволяло выезжать в ФРГ студентам 3—5 курсов, а также аспирантам, прежде всего агротехнологического факультета ИГСХА [18, с. 14]. Для языковой подготовки кандидатов кафедрой иностранных языков с 1996 г. ежегодно организовывались факультативные занятия по немецкому языку [27, с. 137].

Согласно договору о сотрудничестве, студенты сельхозакадемии получили возможность проходить практику в ФРГ с мая по октябрь. LOGO размещал студентов по всей стране, для чего было отобрано до 150 хозяйств и ферм, развивающих экологическое земледелие. Союз контролировал заключение договоров между немецкими фермерами и студентами, гарантировал выплату дотаций на дорогу, страховую защиту, жилье, питание, а также деньги на карманные расходы. Практика в лучших фермерских хозяйствах включала также прослуши-

вание докладов по экономике, сельскому хозяйству, просмотр специальных видеофильмов, дискуссии по актуальным вопросам. Обычно проведением подобных занятий руководил первый президент LOGO доктор Х. Меннен. Российские практиканты, со своей стороны, были обязаны ежедневно на русском и немецком языках письменно анализировать проделанную работу.

Большую заботу о быте и условиях работы россиян проявляли также немецкие фермеры. Они же давали практикантам характеристики, которые наряду с письменными отчетами самих студентов являлись базой для выставления итоговой оценки. При успешном прохождении практики студент становился обладателем специального свидетельства.

Завершая разговор о связях ИГСХА с APOLLO и LOGO, отметим их многогранное значение. Прежде всего, во время практики студенты получали опыт работы по своим специальностям (растениеводству, животноводству, сельхозтехнике, аграрной экономике, агроэкологии) в образцовых европейских хозяйствах. Особенно актуально это было для изучавших агроэкологию — специальность, открытую в ИГСХА в 1998 г. [22]. Важным результатом сотрудничества с LOGO стало также получение новейшей научной литературы. Ее привозили практиканты. Много для распространения новых знаний делал и сам LOGO. Так, союз выпустил «Немецко-русский сельскохозяйственный словарь», который бесплатно предоставлялся всем заинтересованным практикантам и вузам. Кроме того, ЛОГО способствовал включению своих партнеров в программу безвозмездного получения ежеквартальника «Экология и земледелие», а также специальной литературы через Немецкое исследовательское общество.

В 1990-е гг. ИГСХА имела связи с немцами также по линии управления сельского хозяйства и продовольствия Ивановской области. В 1999 г. наш край участвовал в 8 международных проектах научно-технического взаимодействия [53, с. 242], включая российско-германские — «Создание и использование культурных пастбищ» (1997 г.) и «Семеноводство и хранение картофеля» (1994—1999 гг.). В их-то реализации и были задействованы специалисты из ФРГ и ивановской сельхозакадемии [35, с. 273—275].

В период 1990—2000 гг. связи с вузами Германии имел также Ивановский государственный химико-технологический университет (до 1992 г. — Ивановский химико-технологический институт, с 1992 по 1998 г. — Ивановская государственная химико-технологическая академия). Становлению этих отношений помогли многолетние партнеры и друзья ивановцев из Краковско-го политехнического университета (Краковской Политехники) (о многолетних связях ИГХТУ и Краковской Политехники см., напр.: [6, 43, 47]). При поддержке поляков ученые кафедры «Машины и аппараты химических производств» (МАХП) ИГТХУ, которую возглавлял доктор технических наук, профессор, лауреат премии Правительства РФ В. Н. Блиничев, в 1994 г. получили приглашение на берлинскую международную конференцию «Процессы, аппараты и оборудование для переработки дисперсных материалов» [4]. Установившиеся тогда связи россияне и немцы решили развивать.

В мае 1995 г. по приглашению руководства ИГХТУ Иваново посетил профессор Берлинского технического университета Г. Брауэр. Немецкий специалист встретился с руководством российского вуза, прочитал лекции для преподавателей и сотрудников по проблемам охраны окружающей среды,

познакомился с учебной и научно-исследовательской деятельностью кафедры МАХП и механического факультета химуниверситета. Итогом поездки стало подписание договора о расширении сотрудничества ИГХТА и БТУ. Соглашение предполагало выполнение дипломных проектов студентами вузов на учебно-лабораторной базе партнеров, совместные исследования молодых ученых и проведение научных конференций [4].

В декабре 1995 г. состоялся ответный визит в БТУ представительной делегации ИГХТУ (Е. М. Румянцев, О. И. Койфман, В. Н. Блиничев, И. В. Пересеяк), которую возглавил ректор Р. П. Смирнов [36].

В следующем году договоренности руководителей вузов стали воплощаться в жизнь. В 1996 г. два студента, специализировавшиеся по кафедре МАХП ИГХТУ, — М. Буданов и С. Назаров — получили возможность работать над дипломным проектом «Экспериментальное исследование производства лимонной кислоты в лучевом реакторе, особо принимая во внимание влияние сахара» в лабораториях БТУ [71]. Куратором выступил Брауэр. По возвращении домой М. Буданов и С. Назаров с отличием защитили дипломные проекты, причем их обсуждение велось на немецком языке.

В 1998 г. ответный визит нанесли немцы. В ИГХТУ приехал студент БТУ К. Фогель с темой «Разработка и исследование процесса тонкого измельчения». С российской стороны его консультантом стал В. Н. Блиничев. Завершив исследование, К. Фогель вернулся в Берлин, где по итогам защиты получил высокую оценку.

Отмечая сотрудничество ИГХУ и БТУ в подготовке студенческих дипломных проектов, отметим, что в 1994—2000 гг. все-таки более интенсивно выполнялись договоренности о совместной научной работе. Российские и германские исследователи вели общие изыскания по актуальной проблеме биохимических методов очистки канализационных сбросов городов. В ИГХТА этой проблемой давно занимались профессора В. Н. Блиничев и В. А. Падохин. В 1993 г. при их активном участии была проведена Первая международная конференция «Теоретические и экспериментальные основы создания нового оборудования», которая открыла в ИГХТУ серию форумов с тем же названием. Изыскания ивановцев оказались близки Г. Брауэру, который быстро сдружился с российскими учеными, в частности с В. Н. Блиничевым [5]. В итоге с 1995 г. немцы стали постоянными участниками этой проходившей раз в два года конференции.

Сотрудничество ИГХТУ и БТУ стало ослабевать после ухода в 1999 г. Г. Брауэра на пенсию, хотя срок договора между вузами заканчивался в 2004 г. [24]. Правда, думается, эту потерю отчасти компенсировали новые контакты ивановцев со специалистами из германских университетов Мюнстера, Ульма и Тюбингена [21, 30].

Связи химуниверситета с германскими научными центрами способствовали появлению на ивановской земле новых специалистов высшей квалификации. В 2000 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию по химии аспирант ИГХТУ С. И. Вагин [7]. На становление ученого большое влияние оказала длительная стажировка в университете Тюбингена, которой молодой человек удостоился еще в студенческие годы как лауреат премии Президента РФ [36]. Апробация научных изысканий на международных конференциях с участием немецких ученых [14, с. 8; 70] помогла также старшему научному сотруднику ИХР РАН Г. А. Зуевой подготовить и защитить под руково-

дством В. Блиничева диссертацию на соискание степени доктора физико-математических наук [15].

В 1990-е гг. плодотворные связи с германскими научными центрами развивал Ивановский государственный энергетический университет (до декабря 1992 г. — Ивановский государственный энергетический институт). Одним из главных двигателей международных связей вуза стал профессор В. Н. Нуждин, который вскоре после избрания ректором в 1986 г. начал масштабные изменения в системе преподавания в ИГЭУ (см., напр.: [45, 46]).

Одним из первых проявлений расширения международных контактов ИГЭУ в новых условиях стала организация учеными этого вуза в рамках постоянно действующего семинара РАН «Методические вопросы исследования надежности больших систем энергетики» российско-германского семинара «Надежность энергетических систем», заседания которого в 1993 и 1994 гг. прошли, соответственно, в Плесе и Аахене [29; 68, с. 25—26]. В том же 1993 г. случилось еще одно знаменательное событие — был заключен договор о сотрудничестве между кафедрой прикладной математики (ПМ) энерго-университета, возглавляемой доктором технических наук, профессором, лауреатом премии Правительства РФ (1995 г.) В. Е. Мизоновым, и Институтом механических процессов Технического университета Брауншвейга (ТУ Брауншвейга) из Нижней Саксонии, работу которого возглавляли профессора Ё. Шведес и З. Бернотат. Соглашение родилось не на пустом месте. До его подписания ивановские и брауншвейгские ученые опубликовали ряд совместных работ [39, 40]. Подписанный договор задал следующие направления сотрудничества: взаимные визиты, участие в конференциях, совместные публикации. Рабочим языком стороны определили английский.

Констатируя факт становления связей с учеными Германии и диалог на иностранном языке, отметим активную роль в этом процессе лично В. Е. Мизонова (о нем см.: [34, 37, 38]). Именно он стал инициатором создания в 1989 г. кафедры ПМ, которая активно включилась во внедрение в ИГЭУ системы РИМТ («Развитие индивидуального творческого мышления»), одной из концепций которой является синтез знаний [41, с. 5; 65]. Кроме того, свободно владея английским языком, ученый настоял на разработке специальной программы обучения этому языку для студентов, специализировавшихся по прикладной математике [28].

Соглашение ИГЭУ с Институтом механических процессов ТУ Брауншвейга стимулировало совместное исследование темы «Процессы измельчения». В 1995 г. российские и германские ученые получили грант Немецкого исследовательского общества на выполнение проекта «Применение принципа максимума энтропии к моделированию процессов измельчения». Этапными в решении поставленных задач стали краткосрочные визиты В. Мизонова в Брауншвейг и З. Бернотата в Иваново, а также конференции в Нюрнберге в 1997 и 1999 гг., на которых вышеназванные исследователи представили совместные доклады. Кроме того, профессор В. Мизонов, опираясь на достигнутые с германскими коллегами результаты, в 1998 г. принял участие в совещании по проблеме измельчения во Франции.

По итогам совместных исследований ивановские и брауншвейгские специалисты в 1993—2000 гг. опубликовали 16 совместных трудов [23] (см., напр.: [26, 33, 69]), среди которых выделяется монография на английском

языке «Моделирование измельчения: новые подходы», увидевшая свет в 1997 г. [72].

Сотрудничество ИГЭУ с ТУ Брауншвейга принесло важные результаты и в подготовке научных кадров. Так, В. Мизонов непосредственно, а З. Бернотат посредством электронной почты осуществляли совместное руководство изысканиями аспирантов кафедры ПМ П. В. Филичева и Д. Е. Лебедева, которые работали над темой «Порошковые технологии: измельчение и классификация частиц». В итоге молодые ученые достойно защитили свои работы в Диссертационном совете ИГЭУ [32, 59].

Другим заметным итогом сотрудничества ивановцев и брауншвейгцев стало получение учеными энергоуниверситета от немецких коллег финансовых средств на краткосрочные визиты и участие в конференциях, а также ежегодно по 500 евро на приобретение для ИГЭУ компьютерного оборудования [23]. Эта помощь в совокупности с грантом в 487 тыс. долларов, который ИГЭУ получил по программе образовательных обменов информационного агентства (ЮСИА) США, а также оборудованием на сумму в 100 тыс. долларов от учебных заведений штата Техас [19, с. 25—26] позволила кафедре ПМ сделать компьютер доступным для всех студентов [19, с. 89—90], а самому энергоуниверситету выйти в 1996 г. на 1-е место в России по уровню оснащения вычислительной техникой [20].

Подведем итоги. За период 1990—2000 гг. ивановские высшие учебные заведения проделали большую работу по установлению научных связей с учебными заведениями и исследовательскими центрами Германии. Значение этих контактов многогранно. Видимая часть айсберга — это осуществление конкретных проектов сотрудничества: изобретения, доклады, статьи и защищенные диссертации. Однако не меньшее значение международные отношения имели в поиске руководителями вузов *стратегии развития* (а не выживания) в непростой ситуации 1990-х гг. Еще одним значимым результатом интернационального сотрудничества стало то, что ивановцы и их партнеры за границей смогли познакомиться с культурами друг друга, позаимствовать положительный опыт и в итоге, трансформировав стереотипы восприятия, стать ближе.

Библиографический список

1. Антипина И. В. Тайная любовь к России // Ивановский университет. 1992. 9 апр.
2. Балдин К. Е. Ивановский государственный университет, 1918—2003 годы : очерки истории. Иваново, 2004.
3. Бибиков А. У них есть чему поучиться // Ивановский университет. 1993. 18 нояб.
4. Блиничев В. Сотрудничество завязалось, сотрудничество развивается // Химик. 1995. 23 июня.
5. Блиничев В. Н. У механиков нет проблем с распределением // Рабочий край. 1997. 4 нояб.
6. Бугров С., Пыльнев А. В Польшу на практику // Химик. 1993. 20 февр.
7. Вагин С. И. Влияние координирующих металлов Fe, Ru, Os на свойства тетразопорфинов, изоцианидов, 5- и 6-членных азотосодержащих гетероциклов : дис. ... канд. хим. наук. Иваново, 2000.
8. Визит в Лундский университет // Ивановский университет. 1995. 26 янв.
9. Годовой отчет LOGO за 1999 г. URL: <http://www.logoev.de/verein.ru/year99.htm> (дата обращения: 5.09.2007).
10. Гости исторического факультета // Ивановский университет. 1994. 24 нояб.

11. Григорян А. А. Наш партнёр — Технический университет Берлина // Университетское обозрение / ИвГУ. 2000. Вып. 1.
12. Делегация ИвГУ в Парме // Ивановский университет. 1994. 2 июня.
13. Егоров В. Н. Знание — превыше всего // Там же. 1992. 23 янв.
14. Зуева Г. А. Моделирование совмещенных процессов термообработки гетерогенных систем, интенсифицированных комбинированным подводом энергии : автореф. дис. ... д-ра физ.-мат. наук. Иваново, 2002.
15. Зуева Г. А. Моделирование совмещенных процессов термообработки гетерогенных систем, интенсифицированных комбинированным подводом энергии : дис. ... д-ра физ.-мат. наук. Иваново, 2002.
16. И визиты, и диссертации // Рабочий край. 2000. 29 дек.
17. Иванов Б. Наши в Пассау // Там же. 1992. 23 окт.
18. Ивановская государственная сельскохозяйственная академия — 75 лет : проспект. Иваново, 2005.
19. ИГЭУ: 80 лет развития. Иваново, 1998.
20. ИГЭУ — вуз № 1 в России по уровню оснащения средствами вычислительной техники // Газета Ивановского энергетического университета. 1996. 20 нояб.
21. Им было просто не до отдыха // Химик. 2000. 12 сент.
22. Интервью студентки исторического факультета ИвГУ Е. В. Страховой с заведующей кафедрой иностранных языков ИГСХА канд. фил. наук, доцентом Л. А. Кабановой, 18 дек. 2002 г. (архив В. Л. Черноперова).
23. Интервью студентки исторического факультета ИвГУ Е. В. Страховой с заведующим кафедрой прикладной математики ИГЭУ, д-ром техн. наук, профессором В. Е. Мизоновым, 3 марта 2003 г. (архив В. Л. Черноперова).
24. Интервью студентки исторического факультета ИвГУ Е. В. Страховой с заведующим кафедрой «Машины и аппараты химических производств», д-ром техн. наук, профессором В. Н. Блиничевым, 10 февр. 2003 г. (архив В. Л. Черноперова).
25. Интервью студентки исторического факультета ИвГУ Е. В. Страховой со старшим преподавателем кафедры иностранных языков ИГСХА В. И. Турута, 10 янв. 2003 г. (архив В. Л. Черноперова).
26. Использование цветных фракций для экспериментального исследования процессов измельчения / Д. Е. Лебедев, В. Е. Мизонов, З. Бернотат [и др.] // Химия и химическая технология : известия вузов. Иваново, 1999. Т. 42, вып. 4.
27. Кабанова Л. А. Кафедра иностранных языков // Ивановская государственная сельскохозяйственная академия — 70 лет : история становления, развитие и перспективы. Иваново, 2000.
28. Казарова Е. Общение на иностранном языке — реальность // За энергетические кадры. 1991. 26 июня.
29. Калачева О. И. С большим интересом и пользой прошел первый семинар ученых и специалистов по энергетике // Газета Ивановского энергетического университета. 1993. 3 нояб.
30. Коротко о важном : междунар. новости // Химик. 2000. 20 дек.
31. Куприяновский П. Две недели в Германии // Ивановский университет. 1995. 16 июня.
32. Лебедев Д. Е. Распределение энергии по фракциям материала при измельчении и его влияние на прогнозирование фракционного состава : дис. ... канд. техн. наук. Иваново, 2001.
33. Лебедев Д. Е., Мизонов В. Е., Бернотат З. Экспериментальное исследование распределения энергии по фракциям измельчаемого материала методом цветных трассеров // Состояние и перспективы развития электротехнологии : IX Междунар. науч.-техн. конф. «Бенардосовские чтения» : тез. докл. Иваново, 1999.
34. Малинина Ю., Полосина Т. Bravo, профессор! // Рабочий край. 1996. 28 дек.
35. Международные проекты по научно-техническому сотрудничеству // ИГСХА — 2000 : материалы науч. конф. Иваново, 2000.
36. Международные связи : день за днем // Химик. 1995. 29 дек.
37. Мизонов В. Оцени себя сам // Рабочий край. 1993. 20 апр.

38. Мизонов В. Е. Все это можно найти в России. Только пока труднее // Там же. 2006. 3 февр.
39. Мизонов В. Е., Бернотат З., Поспелов А. А. Моделирование процессов непрерывного вибрационного измельчения // Теоретические основы химической технологии. 1992. Т. 26, № 4.
40. Мизонов В. Е., Бернотат З., Поспелов А. А. Расчет и конструирование вибрационной мельницы // Химическое и нефтяное машиностроение. 1992. № 1.
41. Милославский М. ЭМФ — 50... В самом расцвете сил! // Всегда в движении = Semper in Motu. 2006. № 9.
42. Морозова И. Русский язык в университете Германии // Ивановский университет. 1993. 13 февр.
43. Мутовкин А. Это было здорово! // Химия. 1994. 1 сент.
44. Новый случай спонтанного проявления хиральности: лиотропная композиция нехиральных дискотических мезогенов с алканами / Н. В. Усольцева, К. Префке, Д. Блунк, А. И. Смирнова // Известия РАН. Серия физическая. 1998. Т. 63, № 8.
45. Нуждин В. Будем ловить мышей. Вместе // Блин : студ. газ. : прилож. к газете «Прямая речь». 1996. 15 окт.
46. Нуждин В. Н. Мы готовим сегодня инженеров XXI в. // Рабочий край. 1998. 18 нояб.
47. О Краковской Политехнике и не только о ней // Химик. 1993. 29 янв.
48. Очередное заседание по программе Темпус прошло в ИвГУ // Ивановский университет. 1994. 20 окт.
49. Полок К.-Х. ИвГУ — Университет Пассау: ближайшие перспективы сотрудничества // Ивановский университет. 1995. 21 сент.
50. Польшванский Д. И. Кафедре новой, новейшей истории и международных отношений ИвГУ — 25 лет // Вестник Ивановского государственного университета. 2006. Вып. 2. Сер. «История. Философия. Педагогика. Психология».
51. Раков А. В. Имя в «Беофульфе» (семантико-стилистический аспект): дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 1995.
52. Риппинг М. Литературная критика Ю. И. Айхенвальда периода эмиграции : дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2003.
53. Сакулин А. В. Управление кооперацией науки и производства // ИГСХА — 2000 : материалы науч. конф. Иваново, 2000.
54. Семенов А. Политологи из стран СНГ объединяются. В Иваново // Рабочий край. 1994. 7 окт.
55. Смирнова А. И. Влияние вариации молекулярной структуры дискотических производных фталоцианина, инозитола, бензола и органических растворителей на лиотропный мезоморфизм их бинарных систем : дис. ... канд. физ.-мат. наук. Иваново, 1999.
56. Смирнова А. И., Усольцева Н. В., Префке К. Лиотропный мезоморфизм комплекса с переносом заряда, образованный тетропалладиевым органилом с разветвленными боковыми заместителями // Юбилейная конференция «ПЛЖК — 20», Иваново, 19 мая 1997 г. : тезисы. Иваново, 1997.
57. Телеграмма декана филологического факультета Эрфуртско-Мюльхаузенского педагогического института д-ра П. Кербса ректору Ивановского университета проф. В. Н. Латышеву // Ивановский университет. 1992. 9 апр.
58. Усольцева Н. В. Чем жива сегодня наука // Там же. 1994. 2 июня.
59. Филчев П. В. Прогнозирование характеристик процессов измельчения на основе применения принципа максимума энтропии : дис. ... канд. техн. наук. Иваново, 1999.
60. Ханзак Э. Значение, понятие, имя. Иваново, 1995.
61. Хромова И. А., Усольцева Н. В. Ивановский университет — Университет Пассау: 10 лет сотрудничества // Ивановский университет. 2000. 28 дек.
62. Хроника международных событий // Вестник Ивановского государственного университета. 2000. Вып. 3.

63. Черноперов В. Л. Социально-политическая жизнь Веймарской республики по свидетельствам официальных лиц : дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 1994.
64. Черноперов В. Л. Дипломат В. Л. Копп и его роль в формировании советской политики в отношении Германии (1919—1924 гг.) : дис. ... д-ра. ист. наук. Н. Новгород, 2007.
65. Шишкин В. П. Факультет вчера и сегодня: электромеханический // За энергетические кадры. 1990. 26 дек.
66. Щеглов А. И. На обоюдных началах // Ивановский университет. 1992. 5 нояб.
67. Щеглов А. Совместный проект: Иваново — Пассау — Лунд — Парма // Ивановский университет. 1994. 21 апр.
68. Энергия создателей — 75 лет ИГЭУ. Иваново, 2005.
69. Application of multi-dimensional Markov chains to model kinetics of grinding with international classification / V. E. Mizonov, H. Berthiaux, V. P. Zhukov, S. Bernotat // International Journal of Mineral Processing. 2004. № 74. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=11959161> (дата обращения: 15.09.2009).
70. Blinichev W. N., Zueva G. A. Warm- und Stoffaustausch bei der Sublimation von mechanisch aktivierten substanzen // X. Seminar Verfahrenstechnik und Chemischer Apparatebau. В., 1994.
71. Boudanov M. Experimente Untersuchung der absatzweisen Zitronensäureproduktion im Hubstrahlreaktion mit der Pilz Aspergillus niger unter besonderer Berücksichtigung den Einfluß des Zuckers : Diplomarbeit. В., 1996.
72. Mizonov V., Zhukov V., Bernotat S. Simulation of Grinding: New Approaches. [Иваново] : ISPEU Press, 1997.
73. Usol'scheva N., Smirnova A., Prefke K. Lyotropic mesomorphism of scyllo-Insitol hexaesters // XXVII. Freiburger Arbeitstagung Flüssigkristalle, Freiburg, 25—27. März 1998. Freiburg, 1998.
74. Vergleich lyomesompher Eigenschaften zweiter klassischer thermotroper Discogene in linearen und cyclischen Kohlenwasserschaften / N. Usol'scheva, K. Prefke, A. Smirnova [et al.] // XXVIII. Freiburger Arbeitstagung Flüssigkristalle, Freiburg, 24—26. März 1999. Freiburg, 1999.

РЕЦЕНЗИИ

Д. И. Польшанский

МУСКУЛЫ, МОРАЛЬ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА (Заметки о книге А. Этциони «Безопасность прежде всего»*)

Имя Амитаи Этциони хорошо известно в нашей стране. Бывший президент Американской социологической ассоциации, многолетний консультант Белого дома по вопросам ближневосточной политики, автор известной, изданной и на русском, книги «От империи к сообществу» не всегда был кабинетным ученым. Его ранняя молодость прошла в схватках за Палестину, в которых будущий социолог-международник, тогда состоявший в рядах израильской «Хаганы»¹, с оружием в руках утверждал право своего народа вновь обосноваться на исторической родине. Будучи, таким образом, не понаслышке знаком с вооруженным насилием, международным терроризмом и другими реалиями мира XX в., перешедшими и в наше столетие, Этциони сегодня стал одним из наиболее последовательных и компетентных критиков использования прямого насилия в современной мировой политике.

Это подтверждает и его новая книга. Написанная в полномодном ныне русле критики внешней политики США в исполнении Дж. Буша-младшего, она, тем не менее, отличается от работ тех американских интеллектуалов, которые в последние годы покинули неоконсервативный лагерь². Ее главное содержание составляет обоснование необходимости пересмотра сердцевинного тезиса внешней политики Вашингтона на протяжении последних тридцати лет о приоритете продвижения демократии в мире над всеми глобальными задачами³. «Безопасность влечет демократию, но не демократия обеспечивает безопасность» (р. IX), — начинает свой труд автор, входящий в сотню интеллектуальных лидеров Америки.

Главная мысль книги изложена уже на ее первой странице: «Безопасность влечет к демократии, в то время как демократия не обеспечивает безопасности» (р. 1). Автор последовательно раскрывает ее в шести главах, сочетающих показательные примеры и ситуационные исследования с широкими обобщениями и четкими выводами. Полемизируя с неоконсервативными идеологами внешнеполитического курса предыдущего президента США, Этциони указывает им на дефицит реализма, который сравнивает с

© Польшанский Д. И., 2009

* *Etzioni A. Security First. For a Muscular, Moral Foreign Policy.* New Haven ; London : Yale University Press, 2007. Ссылки на это издание приводятся в тексте в скобках с указанием страницы.

болезнью, требующей излечения. Симптомы болезни он видит в двойном заблуждении — о всесии США и сжимающемся вокруг Америки кольце врагов: «...мы менее могущественны, чем себе это представляем, и менее осажжены, чем полагаем» (р. XV).

В первой главе ученый аргументирует свой тезис как реалистический и прагматический, подтверждая актуальность «безопасности прежде всего» приоритетом жизни над прочими ценностями. Ряд его примеров, в том числе ситуация в России в 90-е гг. XX в., нацелены на доказательство того, что демократические перемены спотыкаются как раз на дефиците безопасности. Рост преступности, ослабление внешней безопасности и угрозы личной безопасности людей побуждают их приветствовать «сильную власть», которая сдерживает или даже останавливает демократическое развитие. Автор, ссылаясь на неоднократно подвергавшийся компетентной критике «рейтинг провалившихся государств» журнала «Foreign Policy» 2005—2006 гг.⁴, помещает нашу страну в группу «проваливающихся государств» (failing states). Он видит основные угрозы, источником которых может явиться Россия, не в ее потенциально агрессивной политике, а в коррупции, алкоголизме и наркомании, проникающих в среду военных и гражданских чиновников, в правоохранительные органы, а также в дефиците правового поведения, «напоминающем Дикий Запад» времен формирования США. В условиях деградации государства террористические и криминальные группы стремятся к захвату радиоактивных материалов, тактических ядерных боеприпасов и других компактных и высокоценных объектов, которые могут стать источниками массовых и даже глобальных угроз. Приводимые им факты относятся в основном к 90-м гг., но и сегодняшняя российская действительность, увы, не дает больших оснований для оптимизма на этот счет. Этциони полагает, что не силовой нажим на Россию и не политические и экономические санкции, а осторожное и настойчивое продвижение предложений о совместном контроле опасных объектов могло бы составить основу политики США в этом направлении. Косвенное подтверждение правильности такой политики он видит в примере Ливии, где США только усиливали политику нажима, не замечая встречных шагов Каддафи. Как и в других главах книги, акцент сделан на политике США в Афганистане и Ираке, где силовые меры оборачиваются усилением угроз безопасности. В рамках сценария «Безопасность прежде всего» следовало бы, считает он, оставить в этих странах некоторые элементы прежних режимов и медленно разворачивать их в сторону укрепления сотрудничества, пока не сформируются новые лояльные политические силы. Говоря об обеспечении безопасности в ходе гражданских конфликтов, Этциони отводит важную роль гуманитарной интервенции, однако считает, что ее целью не может быть насаждение или продвижение демократии.

Продолжая эту мысль, вторая глава очерчивает «границы долговременной социальной инженерии» во внешней политике США, сравнивая послевоенный опыт этой деятельности в Германии и Японии с американским участием в становлении латиноамериканских квазидемократий. Предел применению этой внешнеполитической технологии, по мнению Этциони, положили ближневосточные события, где установление выборных процедур привело к власти экстремистов. Борьбу с таковыми автор считает делом местных правительств, которые, даже оставаясь недемократическими, должны получать поддержку в своем противостоянии силам, одинаково враждебным им и Америке. Не обес-

печив таким образом безопасность, невозможно ставить вопрос о продвижении демократии, экономическом развитии или национальном самоопределении. Центральное место среди примеров Этциони отводит «урокам Косова», где страдания албанского населения обернулись насилием наспех признанных властей края над неалбанцами, не сделав новопровозглашенное государство ни демократическим и толерантным, ни экономически процветающим.

Третья глава направлена на критику не раз провозглашенного Дж. Бушем-младшим принципа «Кто не с нами, тот против нас». Этциони вводит в свою концепцию понятие «нелиберальные умеренные». По его словам, это те, «кто в большинстве случаев отвергает насилие, но не обязательно является сторонником либерально-демократического режима или полномасштабного уважения прав человека» (р. 86). Важно не противопоставление «экстремистов» «либералам», а различие между «проповедниками» и «воинами», считает он. Большинство людей, разделяющих те или иные политические взгляды, склонны не к насаждению своих позиций открытым насилием или политическим давлением, а к их отстаиванию ненасильственными средствами. Автор последовательно рассматривает вероучения трех религий — христианства, иудаизма и индуизма, а затем на их фоне делает вывод о схожем с ними характере ислама, доказывая, что в эту религию не заложены большие основания для политического насилия, чем в перечисленные. По его мнению, среди мусульман, в особенности среди женщин, большинство составляют «нелиберальные умеренные», с которыми «однотипные» по политическому сознанию и поведению христиане, иудеи или индуисты могут устанавливать и укреплять контакты. Тезис о конфликте цивилизаций Этциони считает «эмпирически неверным, морально дезориентирующим и приведшим к целому ряду негодных внутри- и внешнеполитических шагов» (р. 151).

Четвертая глава посвящена значению моральной культуры — по выражению автора, «мягкого подбрюшья безопасности». Провоцируемое политической нестабильностью и экономическими невзгодами, асоциальное поведение может сдерживаться не только суровыми законами и их последовательным исполнением, но и уровнем образования членов общества и их религиозностью. Последняя играет особую роль в формировании основ традиционного социального порядка, как правило, исключаящего или осуждающего насилие и преступность. Отсюда автор выводит целый ряд задач для «следующего президента США», суть которых заключается в американском участии в развитии образования, в том числе религиозного, и в укреплении правовых основ общества в новых государствах, «проваливающихся» странах и прочих потенциально нестабильных местах мира.

В пятой главе, самой малой по объему в рецензируемой книге, Этциони очерчивает место «ответственности защитить» (Responsibility to Protect, сокращенно R2P), или, говоря иными словами, гуманитарной интервенции в концепции «Безопасность прежде всего». Делая акцент на ответственности, ученый выступает за введение в формулу превентивного принципа защиты на основе слаженных действий международных организаций. Единственной безусловно признанной международным сообществом и отвечающей приоритету человеческой жизни ситуацией для гуманитарного вмешательства на сегодняшний день Этциони считает геноцид.

Шестая глава носит название «Безопасность требует новой глобальной архитектуры». Критикуя традиционные подходы к обеспечению национальной

безопасности, Этциони считает основной угрозой Америке, а с ней и всему миру, распространение ядерного и биологического оружия массового поражения и возможность его использования террористическими группами. Противостояние этим угрозам должно стать приоритетной задачей внешней политики США. Исходя из этого, автор вновь возвращается к вопросу о странах, ситуация в которых представляет основную опасность. По его мнению, это Россия, Украина, Пакистан, Кыргызстан, Гана и Нигерия, «где ядерные боеприпасы и/или материалы готовы для того, чтобы их можно было приобрести или добыть иным способом» (р. 221). Не поддерживая деление на «хорошие» и «плохие» правительства, Этциони полагает, что опасность представляют не политические режимы, а внутренняя нестабильность и неспособность властей обеспечить защиту ОМУ от попадания в руки террористов. Наличие авторитарных и недемократических режимов в ряде стран даже упрощает задачу переговоров с ними и выработки общих мер безопасности, однако недостаточная дееспособность властей перечисленных стран может сделать такие меры неэффективными. Главной трудностью в отношениях с Россией автор считает то, что здесь захват опасных ресурсов террористами не считают возможным даже в условиях растущей террористической угрозы, исходящей с юга, и не обращают внимания на опасные изменения ситуации, например на оседание мигрантов из Средней Азии в ранее закрытых городах Сибири и Урала, где по сей день имеются опасные производства. Главным направлением деятельности по предотвращению угроз, связанных с попаданием ОМУ, радио- и биологически активных веществ в руки террористов, ученый видит их «дераспространение», т. е. усиление режимов безопасности на предприятиях, где производятся или имеются эти вещества; прекращение создания новых и сокращение до минимума или прекращение существующих производств; сосредоточение всех опасных материалов в надежных местах; замену сильно обогащенного урана на менее обогащенный везде, где это возможно; вывод опасных веществ из сферы международной торговли; сделки с «государствами-изгоями», предлагающие им выгоды взамен отказа от производства опасных веществ и обладания ими. Главу завершает раздел о сочетании «мускулистой и моральной» мощи, рассматриваемой в терминах «жесткой» и «мягкой» силы Дж. Ная. Первым опытом сочетания «мускулов и морали», полагает Этциони, стала одобренная ООН инициатива по обеспечению безопасности в области распространения ядерного оружия (Proliferation Security Initiative), с 2003 г. объединяющая США и еще десять стран, в том числе Австралию, Францию, Японию, Португалию и Испанию. Ее дальнейшее развитие видится Этциони началом создания новой мировой архитектуры безопасности.

Пока критическая составляющая книги Этциони значительно сильнее конструктивной. Остается надеяться, что один из признанных мэтров изучения мировой политики не оставит начатую тему и поможет уловить в многообразии современного мира те своевременные и действенные тенденции, которые могут перевести принцип «Безопасность прежде всего» из лозунгов в реальность.

¹ «Хагана» («Оборона») — боевая еврейская организация в Палестине, созданная в 1920 г. С образованием Государства Израиль составила основу Армии обороны Израиля.

² По данным исследовательского проекта о состоянии науки о международных отношениях 2009 г., 75 % американских ученых-международников считают, что

военное присутствие США в Ираке создает угрозу международной безопасности. См.: *One Discipline or Many? : TRIP Survey of International Relations Faculty in Ten Countries* / R. Jordan, D. Maliniak, A. Oakes, S. Peterson, M. J. Tierney. Williamsburg (Virginia), 2009. P. 74.

³ Лидеры американского сообщества исследователей-международников дают различные рекомендации новой администрации США. Рекомендации «чеканить мир свободы под эгидой права» содержит так называемый Принстонский проект по национальной безопасности, который создали А.-М. Слотер и Дж. Айкенберри (*Forging a World of Liberty under Law : U.S. National Security in the 21st Century : Final Paper of the Princeton Project on National Security*. Woodrow Wilson School of Public and International Affairs at Princeton University, September 2006. URL: <http://www.wps.princeton.edu/ppns/report.html> (дата обращения 22.09.2009). С. Брукс и У. Уолфорд полагают, что мощь США достаточна для возвращения к «системному активизму», направленному на изменение ООН и других институтов международной системы, и призывают следовать рекомендациям академического сообщества. См.: *Brooks S., Wohlforth W. World Out of Balance. International Relations and the Challenge of American Primacy*. Princeton University Press, 2008. В книге Р. Кагана будущее США видится во главе «мирового концерта демократий», призванного силой сдерживать растущий натиск «ассоциации автократов» во главе с Россией и Китаем. См.: *Kagan R. The Return of History and the End of Dreams*. New York, 2008.

⁴ См.: *Политический атлас современности : опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств*. М. : МГИМО-Университет, 2007.

Научная жизнь юридического факультета (2009 г.)

Организация научных мероприятий различного уровня (международных, всероссийских, региональных конференций, семинаров, круглых столов) является одним из наиболее важных направлений деятельности юридического факультета ИвГУ в научном плане, наряду с участием преподавателей и студентов в конкурсах на выполнение финансируемых программ и проектов, созданием различных научно-исследовательских центров при юридическом факультете, написанием диссертаций, изданием научных трудов, руководством научной деятельностью студентов и молодых ученых факультета. Показательно, что ряд научных мероприятий стал уже доброй традицией: это тематические конференции и семинары, проводимые в сентябре и октябре кафедрой теории и истории государства и права, кафедрой конституционного, административного и финансового права; это и весенние круглые столы уголовно-правового цикла.

В рамках научной конференции «Научно-исследовательская деятельность в классическом университете. ИвГУ—2009» с 24 по 27 февраля 2009 г. на базе юридического факультета была организована работа секции Научно-исследовательского и образовательного центра изучения немецкого права, а также пяти кафедральных секционных заседаний, на которых было заслушано свыше 60 докладов.

На межвузовской научной конференции «Современное состояние и тенденции развития российского, европейского и международного права: взгляд молодых ученых» (23 апреля 2009 г.), организуемой юридическим факультетом в рамках фестиваля молодых ученых и студентов ИвГУ «Молодая наука в классическом университете», выступили с докладами 157 студентов юридического факультета. Лучшие сообщения, тезисы были отмечены оргкомитетом конференции грамотами и дипломами.

Очередное мероприятие, состоявшееся 14 мая 2009 г., было посвящено вопросам теории и практики уголовно-исполнительного права России (межвузовский круглый стол студентов и молодых ученых «Уголовно-исполнительная система: теоретические и практические аспекты»). В обсуждении проблемных вопросов приняли участие не только преподаватели и студенты юридического факультета ИвГУ, Ивановского филиала Владимирского юридического института ФСИН России, но и представители Управления ФСИН по Ивановской области (подполковник внутренней службы, начальник отдела по руководству уголовно-исполнительными инспекциями А. В. Князев), а также Общественной наблюдательной комиссии по осуществлению контроля за обеспечением прав человека в местах принудительного

содержания и содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания Ивановской области (канд. юрид. наук И. В. Чебыкин). Были заслушаны доклады, отражающие различные аспекты уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: ее состояние в целом по России и отдельно в Ивановской области; положительные качества и пробелы современного правового механизма, регулирующего исполнение уголовных наказаний; практику применения различных норм уголовно-исполнительного законодательства на примере ряда областей (Ивановской, Костромской и Владимирской). По итогам работы участниками круглого стола были предложены поправки в Уголовно-исполнительный кодекс, сформированы теоретические положения, претворение которых в жизнь может способствовать наиболее эффективному исполнению и отбыванию наказаний.

25—26 сентября 2009 г. состоялся III ежегодный Международный научно-практический семинар «Охрана и защита материальных и нематериальных благ: публично-правовые и частноправовые аспекты», в котором приняли участие более 40 преподавателей и практикующих юристов (адвокаты, сотрудники прокуратуры, федеральной миграционной службы, федеральные судьи, представитель правительства Ивановской области) и 16 студентов. Среди участников научного мероприятия — ученые из России (Волгоград, Екатеринбург, Курск, Москва, Петрозаводск, Тверь, Иваново), Украины (Днепропетровск, Кривой Рог, Харьков), ФРГ (Пассау). На пленарном заседании с интересными и содержательными докладами выступили немецкий профессор В. Бойльке, полковник милиции, начальник УФМС по Ивановской области Д. Ю. Максимов, начальник по надзору за исполнением федерального законодательства прокуратуры Ивановской области, старший советник юстиции И. В. Устименко, д-р юрид. наук, профессор кафедры трудового права МГУ им. М. В. Ломоносова, зав. кафедрой трудового и экологического права ИвГУ Г. В. Хныкин. В докладах Д. Ю. Максимова «Научное обеспечение деятельности Федеральной миграционной службы РФ. Развитие федерального законодательства в сфере трудовой иммиграции» и И. В. Устименко «Защита прав граждан в социальной сфере средствами прокурорского надзора» содержался аналитический материал, статистические данные о нарушениях закона в сфере миграционного законодательства и роли прокуратуры в выявлении, пресечении, устранении и предупреждении нарушений социальных прав и свобод человека и гражданина и их восстановлении (на примере нашего региона). В докладах содержались и предложения по совершенствованию российского законодательства. Очень ярким, образным, критичным в отношении законодателя и конструктивным было выступление Г. В. Хныкина «Проблемы защиты интересов работников по российскому законодательству». Затем была работа по секциям (выступления аспирантов и преподавателей), а на следующий день состоялось ставшее уже традицией заседание студенческой секции. Студенты — члены научного студенческого общества при юридическом факультете ИвГУ задали докладчикам много вопросов, на которые получили квалифицированные, обстоятельные, исчерпывающие ответы.

Материалы прошедшего семинара подготовлены для опубликования и сданы в издательство ИвГУ.

Успешной и плодотворной была работа традиционной ежегодной Всероссийской конференции, организуемой кафедрой конституционного, административного и финансового права ИвГУ, «Межотраслевое обеспечение прав и свобод человека и гражданина» (9—10 октября 2009 г.). На пленарном

заседании особый интерес вызвали доклады Н. Л. Ковалевой (депутата Ивановской областной думы, председателя комитета по взаимодействию с институтами гражданского общества, Уполномоченного по правам ребенка Ивановской области), С. Н. Шныровой (федерального судьи Октябрьского районного суда г. Иванова), Л. Л. Кругликова (д-ра юрид. наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ, зав. кафедрой уголовного права и криминологии ЯрГУ). В ходе секционных заседаний были заслушаны и обсуждены сообщения ученых из различных российских вузов (Москвы, Иванова, Ярославля, Владимира, Костромы, Нижнего Новгорода), а также практических работников, представителей различных ветвей власти Ивановской области (в частности, с приветственным словом к участникам конференции обратился первый заместитель председателя правительства Ивановской области по вопросам законности, безопасности и правопорядка, заслуженный юрист РФ И. Е. Гладков, выступили заместитель председателя Ивановской городской думы С. В. Морозов, начальник Департамента социальной защиты населения Ивановской области И. Г. Эрмиш, помощник начальника Управления ФСИН по Ивановской области по соблюдению прав человека в уголовно-исполнительной системе А. Г. Кочетков).

7 декабря 2009 г. кафедрой конституционного, административного и финансового права проведен круглый стол, в качестве основной темы которого обозначены проблемные вопросы реализации Конституции Российской Федерации, а также прав детей и молодежи в России на рубеже XX—XXI вв.

17 декабря 2009 г. на базе юридического факультета ИвГУ состоялось выездное заседание научно-практической секции Совета МВД России по науке и передовому опыту при УВД Ивановской области, в работе которого приняли участие сотрудники правоохранительных органов, представители профессорско-преподавательского состава университета. На заседании обсуждались научно-исследовательские работы, выполненные преподавателями и студентами факультета по заявкам УВД Ивановской области.

*Материал подготовили
О. В. Кузьмина, М. Н. Лопатина, М. А. Никонов,
Е. Л. Поцелуев, О. В. Соколова*

АННОТАЦИИ

Н. И. Логинова

КОММЕРЧЕСКОЕ ОБОЗНАЧЕНИЕ КАК СРЕДСТВО ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ПРЕДПРИЯТИЯ

Раскрываются понятие и признаки коммерческого обозначения как средства индивидуализации предприятия. Рассматриваются некоторые вопросы, связанные с моментом возникновения и распоряжением исключительным правом на коммерческое обозначение, а также проблемы соотношения коммерческого обозначения с другими средствами индивидуализации. Делаются предложения по совершенствованию действующего гражданского законодательства.

Ключевые слова: коммерческое обозначение.

О. И. Годунов

К ВОПРОСУ О НЕОКОНЧЕННОМ ПРЕСТУПЛЕНИИ И УГОЛОВНО-ПРАВОВОМ ЗНАЧЕНИИ СТАДИЙ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРЕСТУПНОГО НАМЕРЕНИЯ

Анализируются различные подходы в доктрине уголовного права к исследованию института неоконченного преступления. Устанавливается соотношение видов неоконченного преступления и стадий осуществления преступного намерения. Обосновывается их уголовно-правовое значение для разграничения оконченного преступления от неоконченного, а также для определения возможности добровольного отказа от преступления на различных стадиях реализации преступного намерения.

Ключевые слова: неоконченное преступление, стадии осуществления преступного намерения, приготовление к преступлению, покушение на преступление, добровольный отказ от преступления, виды неоконченного преступления, стадия приготовления к преступлению, стадия совершения преступления, нападение на объект, непосредственное приведение преднамеренного в исполнение, создание условий для исполнения преступлений небольшой и средней тяжести, приготовление к тяжкому и особо тяжкому преступлению, оконченное преступление.

Н. В. Исаева

ПРАВОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ЛИБЕРТАРНОЙ КОНЦЕПЦИИ ФОРМАЛЬНОГО РАВЕНСТВА

Рассматривается проблема правовой идентичности личности на основе сравнительного анализа предлагаемых разными типами правопонимания подходов к сущности права как объекта идентификации, к личности как субъекту идентичности.

Ключевые слова: идентичность, правовая идентичность, идентификация, личность как субъект идентичности, право как объект идентификации.

А. А. Павлов

**ГОЛОСОВАНИЕ НАСЕЛЕНИЯ
ПО ВОПРОСАМ ИЗМЕНЕНИЯ ГРАНИЦ
И ПРЕОБРАЗОВАНИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

Раскрываются основные проблемы законодательного регулирования голосования населения по вопросам изменения границ и преобразования муниципального образования, доказывается необходимость изменения федеральных законов и принятия закона субъекта Российской Федерации по голосованию населения.

Ключевые слова: местный референдум, голосование населения по вопросу изменения границ муниципального образования, голосование населения по вопросу преобразования муниципального образования, участник референдума, согласие населения на изменение границ и преобразование муниципального образования.

Д. В. Кареев

**ТЕХНОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ, РАЗРЕШЕНИЯ
И РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ**

Затрагиваются проблемы природы социального конфликта, процесса его разрешения, профилактики, регулирования. Описываются стили и методы разрешения конфликта.

Ключевые слова: конфликт, социальный конфликт, стили разрешения конфликта, модели разрешения конфликта, переговоры.

Е. В. Панкратова

**СУБЪЕКТИВНАЯ ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ
КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ
(По материалам социологического исследования)**

На основе данных, полученных в ходе авторского социологического исследования, рассматривается один из аспектов качества жизни населения региона — субъективная оценка показателей экономической сферы, а именно удовлетворенность населения региона собственным уровнем жизни и удовлетворенность трудом.

Ключевые слова: качество жизни населения, субъективная оценка качества жизни, удовлетворенность населения трудом, удовлетворенность населения уровнем жизни.

Е. В. Страхова, В. Л. Черноперов

**ИЗ ИСТОРИИ СВЯЗЕЙ ВУЗОВ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ
С ВЫСШИМИ УЧЕБНЫМИ ЗАВЕДЕНИЯМИ
И НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫМИ ЦЕНТРАМИ ГЕРМАНИИ,
1990—2000 ГОДЫ**

Работа посвящена международным связям Ивановского государственного университета, Ивановской государственной сельскохозяйственной академии, Ивановского государственного химико-технологического университета и Ивановского государственного энергетического университета с вузами и научно-производственными центрами Германии с 1990 по 2000 год.

Ключевые слова: международные связи вузов.

SUMMARIES

N. I. Loginova

TRADE NAME AS THE MEANS OF BUSINESS INDIVIDUALIZATION

The article considers the notions and signs of trade name as a means of individualization of business. The author also analyses some problems connected with the moment of appearance and ordering the exclusive right to the trade name. Moreover problems of correlation of the trade name with other means of individualization are presented in the article. Several propositions are made to perfect the acting civil law.

Key words: trade mark.

O. I. Godunov

TO THE QUESTION OF NEOTERMINATED CRIME AND CRIMINALLY LEGAL VALUE OF THE STAGES OF CRIMINAL INTENTION REALIZATION

Various approaches in the criminal law doctrine to research of institute of the neoterminated crime are analyzed. The parity of kinds of the neoterminated crime and stages of realisation of criminal intention is established. Their criminal-ly-legal value for differentiation of the ended crime from neoterminated, and also for definition of possibility of voluntary refusal of a crime at various stages of realisation of criminal intention is proved.

Key words: neoterminated crime, stages of realization of criminal intention, preparation for a crime, attempt at a crime, voluntary refusal of a crime, kinds of not ended crime, a stage of preparation for a crime, a stage of fulfilment of a crime, an attack on object, direct carrying out of the deliberate, creation of conditions for fulfilment of crimes of small and average weight, preparation to heavy and to especially grave crime, the ended crime

N. V. Isaeva

LEGAL IDENTITY OF THE PERSONALITY IN THE CONTEXT OF THE LIBERTARIAN CONCEPTION OF THE FORMAL EQUALITY

The article examines the problem of legal identity of the personality on the basis of the comparative analysis of the approaches to the essence of law as an object of identification, to the personality as a subject of identity, proposed by different types of legal understanding.

Key words: Identity, legal identity, identification, personality as the subject of identity, law as the object of identity.

A. A. Pavlov

**POPULATION'S VOTING ON THE QUESTION
OF CHANGING BOUNDARIES AND REORGANIZATION
OF MUNICIPAL ENTITY**

The article is devoted to main problems of legislative regulation of population's voting on questions of changing boundaries and reorganization of municipal entities. The author proves the necessity of amendments for federal legislation and enactment of regional law on these questions.

Key words: local referendum, population's voting on the question of changing boundaries of municipal entity, population's voting on the question of municipal entity reorganization, referendum participant, population's consent to the change of boundaries and reorganization of municipal entity.

D. V. Kareev

**TECHNOLOGIES OF SOCIAL CONFLICTS MANAGEMENT,
RESOLUTION AND MODERATION**

The article considers problems of social conflict nature, process of conflict resolution, preventive measures and moderation. It also describes styles and methods of conflict resolution.

Key words: conflict, social conflict, styles of conflict resolution, models of conflict resolution, negotiations/bargaining.

E. V. Pankratova

**SUBJECTIVE ASSESSMENT OF THE ECONOMIC PARAMETERS
OF POPULATION'S QUALITY OF LIFE IN IVANOVO REGION
(Based on sociological research materials)**

The given article is devoted to the study of one of region population life quality aspects — to the subjective assessment of economic sphere indicator. Among them there is life level satisfaction for region population and labour satisfaction. The article is written on the base of the data received during the sociological research done by the author of the article.

Key words: population's quality of life, subjective assessment of quality of life, satisfaction of the population with labour, satisfaction of the population with living standards.

E. V. Strahova, V. L. Chernoperov

**FROM THE HISTORY OF RELATIONS OF IVANOVO UNIVERSITIES
WITH HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS AND RESEARCH AND
PRODUCTION CENTERS OF GERMANY, 1990—2000**

The work is devoted to international relations of Ivanovo State University, Ivanovo State Agricultural Academy, Ivanovo State University of Chemistry and Technology, Ivanovo State Power University with Universities and research & production center of Germany from 1990 to 2000.

Key words: international relations of Ivanovo Universities.

Сведения об авторах

- ГОДУНОВ Олег Иванович** кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса, Ивановский государственный университет, (4932) 53-08-25
- ИСАЕВА Нина Валентиновна** кандидат исторических наук, доцент кафедры конституционного, административного и финансового права, Ивановский государственный университет, mail: nina@com.ivanovo.ru
- КАРЕЕВ Дмитрий Валериевич** кандидат исторических наук, доцент кафедры общей социологии и феминологии, декан социолого-психологического факультета, Ивановский государственный университет (4932) 32-57-41
- ЛОГИНОВА Наталья Игоревна** кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры государственного права, процесса и основ предпринимательской деятельности, Ивановский государственный университет (4932) 32-77-08
- ПАВЛОВ Александр Анатольевич** кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Ивановский государственный университет, (4932) 32-77-08
- ПАНКРАТОВА Екатерина Владимировна** кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры общей социологии и феминологии, Ивановский государственный университет, e_pankratova@land.ru
- СТРАХОВА Елена Викторовна** выпускница исторического факультета Ивановского государственного университета 2003 года
- ЧЕРНОПЕРОВ Василий Львович** доктор исторических наук, профессор кафедры новой, новейшей истории и международных отношений, Ивановский государственный университет, (4932) 32-61-88
- ПОЛЫВЯННЫЙ Дмитрий Игоревич** доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе, Ивановский государственный университет, (4932) 32-66-00

**ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**Серия «Естественные, общественные науки». 2009
Вып. 4. Право. Социология. Международные отношения**

Подписано в печать 14.12.2009 г.

Формат $70 \times 108^{1/16}$. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 7,35. Уч.-изд. л. 7,0. Тираж 300 экз.

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39

☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

